

Наталья ПАВЛИЩЕВА

ПРОТИВ
«ПСОВ-РЫЦАРЕЙ»
НЕВЕСТА ВОЙНЫ

Настя

Наталья Павлищева

Против «псов-рыцарей»

«Яуза»

Павлищева Н. П.

Против «псов-рыцарей» / Н. П. Павлищева — «Яуза»,
— (Настя)

Новый роман от автора супербестселлера «Княгиня Ольга» и трилогии о «Деве войны»! Продолжение приключений нашей современницы, провалившейся в жестокую эпоху Батыева нашествия. Она сделала свой выбор между прошлым и настоящим в пользу XIII века. Она обручена с этой войной и готова отдать жизнь за спасение Руси от Ига. Она изменила ход истории, обескровив Орду и заставив степняков повернуть обратно в Дикое Поле. Но теперь над Русской Землей нависла новая угроза – уже не с востока, а с запада. Католическая Европа готовит Крестовый поход против православных «схизматиков». Судьба Новгорода висит на волоске. Способна ли «попаданка» из будущего расстроить планы врагов и сорвать «Drang nach Osten»? Одолеет ли «псов-рыцарей» в тайной войне и беспощадной сече? Поможет ли юному князю Александру Ярославичу разгромить шведское войско и стать Александром Невским?

© Павлищева Н. П.

© Яуза

Содержание

Снова в тринадцатом веке	8
Новгород	20
В Швецию	36
Биргер	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Наталья Павлищева
Невеста войны. Против «псов-рыцарей»

Снова в тринадцатом веке

Тихо... Даже часы не тикают... Неужели встали? Стариков терпеть не мог эти часы именно за их тиканье, все требовал, чтобы заменила на нормальные, а мне нравилось...

Я замерла. Нет, пожалуй, дело не в часах, а в...

– Вятч...

В том, что лежу в объятиях Вятча, не сомневалась, но что-то не так. Тревоги не было, однако пространство вокруг неуловимо изменилось. Я опытный «попаданец» и что означает шуршащее в тюфяке под боком сено уже знала.

– Вятч...

– У...

– Мы где?

Шепотом и на ухо, мало ли что.

– В Москве. Спи.

– В какой Москве?! – На всякий случай я еще раз потрогала то, на чем мы лежали. Нет, на мою московскую постель это не походило ни в малейшей степени. – Ты посмотри, на чем мы лежим.

– Мы в Москве, которая Кучково... Спи, Настя, до утра еще далеко.

Я с трудом сдержала визг восторга. Вятч забрал меня обратно в тринадцатый век!

Спать, конечно, не получалось. Почувствовав это, Вятч принялся объяснять:

– Ты же просила тебя вернуть? Теперь терпи.

– А... а я теперь кто?

Предыдущий раз долго осознала, куда это попала, и привыкала к своему более молодому, чем в Москве XXI века, телу пятнадцатилетней боярышни, живущей в XIII веке. Мало ли что теперь, боярышня-то погибла в неравной схватке с Батыем.

– Старуха лет семидесяти...

– Чего?!

– Не бойся, как и была – Настя, дочь воеводы Федора из Козельска.

– Но я же погибла? – Кажется, я чуть не заорала.

Вятч усмехнулся, приоткрыв один глаз:

– Ты? Не может быть! По мне, так живет всех живых. Между прочим, для всех ты вышла за меня замуж. Тут не полагается мотаться по городам и весям с посторонним мужиком.

Настроение поднялось донельзя. Какой сон, когда тут открываются такие перспективы?!

– А почему мы в Москве... ну, Москве?

– Едем в Новгород.

– Там Лушка...

– Угу, и Аня тоже.

– Они не знают, что я погибла?

– Настя, никто не знает и еще много веков ничего не узнает о Золотаревке, и о тебе тем более. Пользуйся моментом. Это же особый кайф – восстать из погибших. Представляешь, какой шок будет у Батия? Он-то видел, как тебя убили.

Теперь я уже не только спать не могла, но и лежать вообще.

– Мы снова поедem убивать Батия?! А почему тогда в Новгород?

– Батый пока в степи и пойдет на Европу южным путем.

– Вот именно, там Киев, Чернигов, там вся Южная Русь.

– А с севера вот-вот нападут крестоносцы. Югу все равно не устоять, нам нужно помочь князю Александру.

Я живо прокрутила в голове все, что за время болезни вычитала в Интернете о тринадцатом веке на Руси и окрестностях. Да, с севера готовятся напасть шведы с датчанами, а там и крестоносцы Ливонского ордена, если уже не напали...

– Вятич, а сейчас какой год?

– Тот же, что и раньше – 1239-й, осень. На следующий год летом приплывет Биргер. Вятич, видно, понял, что проще мне все объяснить, потому что все равно не отстану.

– Угу. Невская битва.

– Ну надо же, грамотная стала...

– Значит, нам надо предупредить князя Александра Невского? – Я не замечала сарказма, не до того. Как боевой конь, заслышав звук полковой трубы, была готова ринуться в атаку не на Батю, так хоть на Биргера, главное за Русь!

– Никого мы ни о чем предупреждать не будем, не имеем права. Ты уже предупреждала рязанцев, ничего не изменилось.

– И что, сидеть и ждать, пока он сам побьет шведов?

– Сидеть и ждать тоже нельзя, а вот что делать, будем думать на месте. Против нашего князя собирается слишком грозная компания.

Если честно, то меня меньше озаботили слова о компании.

– Где это на месте?

– В Новгороде. Приедем и вместе подумаем.

– С кем? – Я просто не верила своим ушам.

– С Анеей, ну, и твоей Лушкой, куда ж без нее?

– Они знают, кто я?

– Анея да, а Лушке придется сказать, если сама еще не догадалась.

Какое-то время я пыталась придумать, что бы этакое сотворить с Биргером, который незванным притащится с армадой шнеков в устье Невы.

Вот почему дома в Москве не сказать, что забирает меня обратно в тринадцатый век воевать теперь со шведами?! Прихватила бы с собой несколько ящиков динамита, заминировали устье Невы, и все о'кей.

Я так и заявила. Вятич только хмыкнул:

– Не умней Лушки... Потому и не сказал, чтобы ты не тащила под мышкой ракетную установку или подводную лодку. Вот связался...

Я почти обиделась. Ладно, пусть не подводную лодку или динамит, но акваланг и мины-то можно было бы.

Вятич снова открыл один глаз:

– Ты к чему их цеплять собралась? Шнеки деревянные.

Я не сдавалась:

– А я бы плавучие или придонные. Или вообще коловорот какой-нибудь, чтобы дырки в драккарах сверлить под водой.

Мысль о коловороте мне очень понравилась. Сделать из пары их кораблей решето ниже ватерлинии, остальные сами разбегутся.

– Ну что говоришь-то?

– А как мы будем воевать против Биргера?

– Не знаю. Думай, у тебя вместо военного арсенала голова есть. В Козельске же справились.

Да уж, в Козельске мы справились так, что у Батю были все основания назвать Козельск Злым городом.

Я притихла, вспоминая наше боевое прошлое. Кажется, это было так давно, а ведь прошло всего два года. Или семьсот семьдесят три? Нет, я в тринадцатом веке, значит, надо здесь и считать.

Два года назад (по местным меркам) после аварии я вдруг очнулась вместо своей московской квартиры в теле пятнадцатилетней боярышни в Козельске в самый канун Батыева нашествия. Осознав это, отчаянно пыталась добиться, чтобы немедленно вернули обратно, но потом наплевала на все и отправилась в Рязань предупреждать о предстоящем нападении Батыева.

Моим предупреждениям никто не внял (боюсь, что русский пофигизм родился вместе с русскими), и невольно пришлось стать героиней защиты Рязани. Все последующее время я старалась не вспоминать те трое суток, что провела под горой трупов в сожженном городе.

А потом были храбры Евпатия Коловрата и рейд по Батыевым тылам в дружине князя Романа с выманиванием ордынцев к Козельску к определенному сроку. У нас все получилось как надо, ордынцам пришлось почти два месяца в половодье сидеть у Козельска по колено в воде и есть собственных лошадей за неимением другой пищи.

Из Козельска удалось уйти почти всем – моя тетка Анея с двоюродной сестрицей Лушкой вывели женщин на ладьях, конная дружина во главе со мной (чем я обоснованно гордилась) прорвалась из города, а в самом городе сотник Вятич с оставшимися двумя десятками защитников просто поджег греческим огнем ворвавшихся внутрь стен ордынцев и сумел выбраться. Это был восторг! Мы спаслись, а ордынцы сгорели.

Батый прозвал Козельск Злым городом и ушел в степи.

А потом мы выманили его с небольшой частью войска в мордовские леса, даже изловили и... поставили на память тавро в одном неприличном месте. По мне, так лучше убить, но пришлось этого гада обменять на пленных женщин.

Зато потом он мне отомстил – я, то есть боярышня Настя, погибла в бою у Сырни (Золотаревки). В 2010 году в Пензе мне даже предлагали посмотреть на собственные останки, раскопанные через 770 лет. И Батый эту гибель видел. Да уж, хану будет не слишком приятно узнать, что я снова жива, ведь у нас с ним противостояние не на жизнь, а на смерть.

Я не вытерпела:

– Вятич, давай еще раз отправим Батыю стрелу с куском голубого плаща?

– Зачем, чтобы он снова пошел на Новгород? Самое время, если вспомнить о шведах.

Вятич прав, пусть лучше идет куда-нибудь подальше, нам сейчас не до Батыева.

Я обратила внимание, что сотник в полутьме внимательно вглядывается мне в лицо.

– Не надейся, я не успокоилась и не успокоюсь, пока не убью Батыева, как и обещала. Но сейчас не до него.

– Наконец-то разумные мысли.

Спать больше не получалось, руки чесались показать кузькину мать теперь уже Биргеру. Причем я совершенно не сомневалась, что мы устроим незваным гостям такой «радушный» прием, что благовест русских летописей о Невской битве покажется скромным упоминанием.

– Когда они там приплывут?

Вятич вздохнул:

– Летом.

– Так... сейчас у нас осень... Успеем что-нибудь придумать почище Козельска.

– Чапай думу думает? Ну-ну...

Я снова уселась.

– Вятич, вот скажи мне, пожалуйста, ты что, часто бываешь в моем мире?

Он, не отвечая, просто смотрел.

– Ну, ты легко говоришь понятными мне выражениями и понимаешь мои словесные выверты. Для этого надо хотя бы время от времени бывать среди тех, кто разговаривает так же.

Сотник кивнул:

– Если ты дашь поспать до утра, я тебе что-то покажу.

И все, я увидела его спину. Это говорило о том, что спрашивать больше не стоит. Пришлось вздохнуть и тоже улечься, уткнувшись в эту спину носом. Вятич непробиваем, если не захочет говорить – даже под пытками не заставишь. А у меня ни горячего утюга под рукой, ни клещей, чтобы ногти рвать, ни иголок под них загонять... Ладно, пусть спит, утро вечера мудренее, утром я его дожду.

Сама я уснуть не могла долго, все пыталась придумать козни против будущего нападения Биргера с компанией. Заодно вспомнила и все то, что о нем прочитала, хваля себя за такую предусмотрительность.

Мысленно снова перенеслась в 1237 год, когда в Козельске двоюродная сестра Лушка обучала премудростям жизни, считая, что мне отшибло память после падения с лошади. Как-то они встретят меня теперь? Лушка вышла замуж за моего несостоявшегося жениха Андрея и должна бы родить от него. Лушка-мама это что-то недоступное моему пониманию, потому что более беспокойной и непредсказуемой особы я в жизни не встречала. Оптимистка, пофигистка и электровеник в одном флаконе.

Как заснула, конечно, не заметила. Но, открыв глаза, с ужасом обнаружила, что Вятича рядом нет. Хорошо, что при попытке повернуться, сено в тюфяке снова зашуршало, иначе решила бы, что сотник и мое возвращение в тринадцатый век только сон.

Вятич нашелся во дворе. Сам двор был странным. Во-первых, оказалось, что мы ночевали в обыкновенной землянке. Во-вторых, с трудом выбравшись наверх, я обнаружила вокруг едва заселенное пожарище. Может, подальше и были дома или побольше землянок, но возле нас никого не видно.

Сотник плескался, обнаженный до пояса. Вообще-то на улице совсем не жарко, и при одном виде капель воды на его голых плечах мне стало зябко. И все же я невольно залюбовалась.

Видно почувствовав взгляд, Вятич обернулся:

– Проснулась, воительница? Умываться будешь?

Я тоже любила холодную воду, но не раздеваться же прилюдно (хотя вокруг никого и не видно) по пояс? Кивнула и принялась тоже плескаться в бадейке с ледяной водой, стараясь не облить одежду. Вода удивительно вкусно пахла и была такой приятной... Теперь, снова побывав в Москве двадцать первого века, я все чувствовала острее – и немыслимо свежий воздух, и воду, и одежду на себе... Но в отличие от предыдущего раза меня вовсе не тянуло обратно в загазованную Москву.

Вытирая лицо, невольно усмехнулась.

– Чему?

– Так ведь и привыкнуть можно.

– Привыкай.

– А потом?

– Ты уж реши, где тебе лучше. Когда попала сюда – всех замучила, чтоб вернули, вернулась туда – принялась лить слезы и спиваться, просясь обратно, а теперь снова в Москву на двенадцатый этаж захотелось?

– Здесь лучше. – Я твердо глянула в глаза Вятича. Вообще-то, хотелось сказать иначе: «Вместе с тобой», но уточнять не стала, он-то здесь, значит, и я тоже.

Сотник только кивнул, натягивая рубаху.

– Ты обещал кое-что объяснить.

– Сейчас поедим и пойдем.

Еда была более чем скромной, но вкусной – холодная запеченная рыба, видно вчерашняя, и большой ломоть хлеба. И то хорошо, но я невольно вздохнула:

– Картошечки бы...

– Вот этого дать не могу, не привезли еще из Америки, – развел руками Вятич. Я не успела спросить, откуда он знает про Америку, сотник встал, махнув рукой: – Ну, пойдем?

Любопытство просто распирало, но спрашивать ничего не стала. Негоже выглядеть глупой девчонкой, это с Лушкой можно было болтать о чем угодно, а рядом с Вятичем, тем более теперь, я чувствовала себя словно обязанной чему-то соответствовать. Чему, неужели вместе со мной на сей раз в тринадцатый век переполз и мой московский статус успешной бизнес-леди? Это плохо, потому что в этой Москве я глупый щенок, какой бы боевой опыт за плечами ни имела.

Я шла за сотником и размышляла, как вообще теперь себя вести. Дело в том, что предыдущий раз «провалилась» без моего на то ведома, а уж согласия тем более. Долго соображала и требовала вернуть себя обратно, постепенно поняла, что мало чего стою в этом суровом, но прекрасном мире, потом доказала себе и Вятичу, что все же стою, и была отправлена обратно. В этот раз меня «перетащили» уже по моему собственному горячему желанию, потому и спрос куда выше. Но чего во мне сейчас больше – московской леди или «тутошней» барышни? Или вообще девчонки с отрезанной косой и мечом в руке? Вопрос, между прочим, важный, потому что прохлаждаться никак нельзя.

Вятич несколько раз подозрительно косился, видно недоумевая из-за моей сдержанности, но я делала вид, что так и надо, и стойко молчала.

Спустились к реке. Москва, что ли?

– Смотри, это Неглинная, а там Москва-река, – словно почувствовав мои сомнения, кивнул Вятич. Я вспомнила, что он, вообще-то, умеет читать мысли.

На берегу сотник (или он теперь не сотник?) отвязал довольно утлую лодчонку и жестом предложил в нее сесть. Осторожно покосившись на этот челн, со вздохом полезла в него, отказываться глупо, сама напросилась.

К моему удивлению, лодочка оказалась весьма устойчивой на воде, она не качалась, как легкие дюралевые конструкции, но и усилий требовала немалых. Сил у Вятича хватало, греб он быстро, в то время как я глазела по сторонам.

Лодка довольно быстро выбралась к повороту на реку пошире. Ясно, из Неглинной в Москву. Это было очень интересно – смотреть на хорошо знакомые по будущему места. Выходит, позади справа осталась будущая Кремлевская набережная?

Откуда-то из-за реки поплыл колокольный звон, не слишком громкий и явно не в несколько колоколов.

– Данилов монастырь...

– А...

Чтоб мне это хоть о чем-то сказало! Про сам монастырь я помнила, но вот где он, сообразить не смогла.

Ордынцы, видно, здорово разорили округу, а прошло не так много времени – полтора года, люди пока еще не вернулись, да и возвращаться оказалось почти некому.

По берегам – лес, огороды и пашни, правда, заросшие...

Я так задумалась, что не заметила, как берег, где мы садились в лодку, скрылся за поворотом. Интересно, куда мы плывем? Но Вятич не объяснял, молчала и я, пытаюсь сообразить сама. Из Неглинной повернули направо, значит, справа то, что потом будет Пречистенской набережной? Вятич с интересом наблюдал за моими размышлениями.

Лодка пересекла саму Москву-реку, но приставать не стала, просто мы держались ближе к правому берегу, идя против течения. Но вот впереди уже явно показался поворот. У меня снова заработала соображалка: Москва так поворачивает у Лужников.

Вятич кивнул по ходу лодки, словно одобряя мои мысли:

– Там Воробьевы горы.

Немного погода мы все же пристали к берегу, сотник привязал лодку покрепче и подал мне руку:

– Вперед.

Еще с полкилометра пробирались через лес вверх. Вдруг Вятич остановился, показывая мне на небольшую поляну:

– Настя, вон там будет твой дом...

Я не успела отреагировать, как услышала:

– А вот тут мой...

В голове мгновенно все прояснилось, словно свет включили в темной комнате.

– Ты... это я тебя однажды чуть не сбила машиной?!

– Да, было такое. Самоуверенная девица в дорогом автомобиле с визжащими от жесткого старта колесами...

– И поэтому ты притащил меня сюда?

– Хочешь обратно?

– Нет! Нет, обратно не хочу.

– И домой тоже?

– Куда домой?

– Ну, туда, – Вятич кивнул в сторону, откуда мы приплыли.

– Туда можно.

Обратно плыть было легче – помогало течение.

– Так почему ты все-таки два года назад притащил меня в Козельск?

Он усмехнулся:

– Когда появилась возможность переправить еще кого-то, сразу вспомнил о тебе. Хотелось показать, что ни на что не способна. А ты оказалась ничего, особенно когда калечила монгольских лошадей в дружине Коловрата.

– А... ты давно здесь?

Он только кивнул, и снова было ясно, что расспрашивать больше не стоит. Может, пока не стоит?

– А Анея?

– Твоя тетка? Нет, она здешняя. Но в Москве бывала.

Глаза Вятича смеялись, и я вдруг поняла, что Анея явно знает обо мне что-то такое...

Но на этом все обсуждение переходов «туда-сюда» из тринадцатого века в двадцать первый было закончено. Видно, не созрела еще, чтобы мне все объяснять. Ладно, сама разберусь! Ты еще не знаешь, какая я упрямая.

Временами я задавала немисливо дурацкие вопросы:

– Вятич, а ты кто теперь? Ну, раньше в Козельске был сотником, а теперь?

Он вздохнул:

– А теперь вот твой охранник...

– А деньги у нас откуда?

– Настя, вот ты о чем спрашиваешь? Откуда здесь ты сама?

– Я-то из Москвы. А ты что, доллары поменял в местном обменнике?

– Нет, сразу со счета снял вот такими монетами. – Он выразительно тряхнул большим кожаным кошельком. – Там еще были монгольские тугрики, но это уже для тебя, когда снова за Батю возьмешься.

Через два дня, выбравшись утром наверх, я ахнула – вокруг было белым-бело. Красиво...

На наше счастье, зима встала быстро, и реки подмерзли основательно, и снег лег ровно, без оттепелей и грязи. Ехали верхом, так быстрее, да и легче. Больше всего меня потрясло имя

моей новой кобылы: Слава. Это, конечно, не моя прежняя Слава, на которой воевала еще у Евпатия Коловрата, но похожа очень. На глаза даже навернулись слезы:

– Спасибо, Вятич.

– Да ладно...

Дорога с давних лет накатана и набита, но в последние годы поток, видно, снизился, и пока не встал хороший санный путь, проезжавших было мало.

Вятич застрял на самом краю деревни с каким-то мужиком. Ну сколько можно? Я помалялась-помаялась и тронула Славу:

– Поехали, лошадка, пусть догоняет.

Дорога к следующей деревне, где мы намеревались обедать, вела через лес, но кого мне бояться? Ордынцев здесь нет, волкам после прошлогодних событий я почти родственница, а медведи залегли в берлоги. Иначе Вятич будет еще два часа выяснять какую-нибудь ерунду. Нет, я понимаю, что для него очень важно, когда собирать остролист, но и обо мне подумать не мешало, холодно же просто стоять.

Сотник просто посмотрел мне вслед, даже не окликнув. Ах, ты так?! Вот возьму и даже в следующей деревне останавливаться не буду, в конце концов, не слишком оголодала!

Вообще-то я без Вятича никуда, но иногда так хотелось повыделываться...

Я настолько задумалась, что от звука человеческого голоса остановила Славу, даже не успев понять, что произошло.

– А ну стой! – Из кустов прямо передо мной появились трое крепких мужиков откровенно разбойничьего вида.

Опля! Только вас мне не хватало. И чего я полезла одна, могла же подождать Вятича. Пришлось остановиться.

– Стою.

– Чего? – почему-то растерялся от такой покорности старший. Его явно удивило, что малец (а как иначе меня воспринимать?) не только не испугался, но и с откровенным интересом разглядывал нападавших. Здоровенный парень бестолково топтался на снегу, вместо того чтобы меня грабить. – Ты эта... чего эта?..

Да уж, особым изяществом речь разбойника не отличалась. Я оглядела его внимательней, нет, и на Соловья-разбойника, несмотря на немалые габариты, он не тянул, так себе, мелкая шпана. Конечно, ростом и силушкой матушка-природа не обидела, пожалуй, мог на загровке не только меня унести, но и мою Славу. Мне сразу вспомнился мультяшный Алеша Попович, у которого шея начиналась на уровне лопаток, а плечи не помещались в экран, неужели художники срисовывали вот с этого? И дубина в руках вполне основательная, даже жаль дерево, которое этот придурок загубил для своего немудреного оружия, но пока он с такой развернется, я успею до Новгорода добежать, не то что напасть в ответ. Только нападать почему-то не хотелось совсем.

– Чего «эта»?

– Ну, ты чего на помощь не зовешь?

– Кого? – окончательно удивилась я. Сила есть, ум необязателен? У него в башке вообще ничего не осталось, кроме опилок, или принципиально отказывается воевать с одним пацаном?

Не лучше вели себя и остальные: вместо того чтобы окружить меня, эти двое почему-то топтались прямо возле кустов, из которых выскочили, словно готовясь драпануть. Ага, разбойники начинающие, а потому, встретив малейший отпор, наверняка дадут стрекача. Но и предводитель тоже растерялся, не встретив должного сопротивления или испуга.

– Деньги, – наконец сообразил горе-атаман.

Где это Вятич запропастился? То тут как тут, а сейчас не слышно. Может, эти вот не одни, а еще пара десятков уже насаждают на сотника? Ведя странную душевную беседу с разбойником, я прислушалась: нет, боя сзади не слышно, но и Вятича тоже. Ничего, справлюсь сама.

Рука легка на рукоять меча, прятавшегося под плащом.

– Деньги? Да ладно, я вас и так отпущу, пожалею.

– Чего это? – Но вопрос относился уже не к моим словам, а к блеску стали, обнаруженной прямо перед носом.

Нет, он точно придурок, потому что перебить мечом толстенную дубину, бывшую в его руках, я не смогла бы при всем желании. Ему достаточно просто сделать движение, и полетела бы в сторону вместе со своим оружием, либо меч был в кустах сам по себе, а я валялась на земле с вывихнутой рукой. Но детинушка не сообразил от моего клинка даже отмахнуться.

Двое других оказались куда шустрее, они уже ломались сквозь кусты, как два мамонта, хотя вряд ли мамонты бегали с такой скоростью. Сзади раздался насмешливый голос Вятича:

– Ну а ты чего стоишь, догоняй. Или платить будешь?

– Не... чего платить?

– Беги, говорю, да побыстрее! – Я не выдержала уморительно глупого вида бедолаги.

Вслед ему так хотелось заулюлюкать, но совесть не позволила. Я же прекрасно понимала, какая нужда заставила вот этого сильного парня взяться за дубину, чтобы грабить проезжающих.

Видно, об этом же подумал и Вятич, потому что тишину леса прорезал его голос:

– Эй, работа нужна?

Я прислушалась, кажется, сотника все же расслышали, треск кустов неожиданно стих. Мы переглянулись, ожидая.

– Ну, выходи, выходи, не бойся, не обидим.

На дорогу снова выполз тот самый детина, но уже без дубины.

– А чего же дубину-то не взял?

– Дык... зачем?

– Нас грабить.

– Не-е, – замотал большущей башкой несостоявшийся разбойник.

– Первый раз, что ли? – поинтересовался Вятич, спешиваясь.

– Ага. – Разбойника явно обрадовала сообразительность Вятича.

– Семья есть?

– Не, мамку татары пожгли.

– А к нам пойдешь?

– Куда это к вам?

– Нас охранять.

Парень недоверчиво покосился на меня:

– Чего вас охранять, ежели вон мальчонка и тот с мечом?

– Это не мальчонка, это моя жена.

– Ну да?

Я, смеясь, сняла шапку, освобожденная от головного убора коса легко скользнула змеей по спине. Тут же последовал недоверчивый взгляд разбойника:

– Жена, говоришь?

Под укоризненным взглядом Вятича быстро спрятала косу: нежеже замужней женщине ходить с непокрытой головой.

– Тебя как зовут-то?

– Тишаня...

Самое то для крепкого, словно дуб, и здоровенного парня, от одного голоса которого по осени могла бы осыпаться листва с деревьев. Кто ж его так назвал?

Вятич тоже крикнул, но даже следа улыбки невозможно было заметить на его лице.

– Ну, чего, Тишаня, согласен нас охранять до Новгорода?

– А там чево?

Ишь ты какой! Сказал бы спасибо, что сейчас не убили.

– А там к кому другому наймешься, с твоей силищей привычку к оружию бы...

– Это я не люблю, с детства не задирался, потому и прозвали так...

Честно говоря, вести разговоры посреди леса надоело, и я выразительно хмыкнула, Вятич тоже засобирился:

– Так идешь или нет?

– Иду, только я пеший.

– Деревня далеко?

– Не, тута рядом.

– Ты там не наследил?

Конечно, последовало очередное «чево?».

– Там тебе бока не намнут за грехи?

– Не.

– Мы в деревне встанем, догонишь.

Оглянувшись немного погодя, я увидела, что горе-грабитель так и стоит посреди лесной дороги с растерянным видом. Да, долго нам его ждать придется.

Деревня оказалась небольшой, но в ней удалось купить лошадь, вполне годную для нашего будущего помощника. Он появился через пару часов, весь мокрый от быстрого шага, встрепанный и все еще сомневающийся. Как-то бочком сунулся в избу, где мы встали на обед, бухнул дверью и, мотнув большущей башкой, почти застенчиво объявил:

– Я эта... пришел я...

Мы сидели за большим столом, заставленным снедью. Чуть покосившись на Тишаню, Вятич кивнул:

– Вижу. Ну, чего стоишь, садись ешь.

Тишаня все так же бочком примостился на лавке с краешка. Я вполне понимала парня: принимать еду из рук тех, кого совсем недавно пытался ограбить, как-то не сподручно. Он осторожно взял краюху хлеба, а глаза меж тем голодно блеснули на большущий кусок мяса на блюде.

Сотник спокойно поднял на Тишаню глаза:

– Я не красная девка и ты тоже. Бери и ешь нормально.

– Я отработаю...

– Угу. Обязательно.

Аппетит у Тишани оказался сродни кулакам – основательный и какой-то вкусный. Он ел истово, не чавкая, не торопясь, уважительно разглядывая каждый кусок. Даже если бы сама не была голодна, с таким соседом за компанию непременно наелась. Вятич словно невзначай подталкивал ему куски покрупней.

Насытившись, Тишаня вытер рот рукавом и солидно пробасил:

– Благодарствуйте.

Вятич кивнул:

– Там во дворе кобыла покрепче, это для тебя. Зовут вроде Звездочкой. Иди посмотри, чтобы потом времени не терять.

– Ага...

Когда мы немного погодя вышли из избы, Тишаня уже обихаживал свою новую лошадь, уговаривая ее, точно ребенка. Что уж он там внушал, не слышала, но Звездочка кивала, видно, была с новым хозяином согласна. Я критически прикидывала, выдержит ли такого ездока бедная лошадка, но другой все равно не было, пусть терпит.

– Вот, на человека стал похож, – похвалил Вятич. – Шапка-то твоя где?

У Тишани и впрямь борода была приведена в порядок, кудри тоже, а вот шапки на голове не имелось. Парень сокрушенно развел руками:

– Нема...

К нам подскочил хозяин избы:

– Шапку надоть?

– Давай.

Для большущей головы Тишани хозяйская шапчонка оказалась маловата, он был бы согласен и на такую, но Вятич отрицательно покачал головой:

– Давай хорошую.

– Ага, ага...

Еще через минуту Тишаня восседал на своей гнедой, словно боярин в приличной шапке.

– Добро. – Кинув хозяину монету, Вятич взлетел в седло, я последовала его примеру, и кони понесли нас ближе к Ловати, чтобы там отправиться по реке к озеру Ильмень, где стоял славный город Новгород и где князем Александр Ярославич, будущий Невский. А еще Анея с Лушкой и... кто там у нее родился? Я уже знала, что Андрей погиб довольно нелепо, спасая кого-то из дружинников. Получалось, что моя сестрица – молодая вдова. Бедная Лушка...

Стоило въехать в лес, как Вятич скомандовал:

– Едем быстро, очень быстро, как только сможете!

Мне не привыкать, все же боевое прошлое так быстро не забывается, а вот как Тишаня с его Звездочкой? Беспокоилась зря, Звездочка хотя и не дружинная лошадь, но не подкачала, ее хозяин тоже.

Впереди был поворот, перед ним Вятич поднял руку, делая знак, что надо остановиться. Действительно, сразу за поворотом мы спешно свернули в лес. Тишаня вопросов не задавал, его лошадь, подражая хозяину, промолчала. И я не спрашивала, слишком уж заинтересованно блестели глаза у хозяина избы, где мы ели. Упустить таких постояльцев он не мог, недаром угаривал заночевать... Эти тати, посерьезней Тишани с его товарищами, вооружены не дубинами.

Спрятались за кустами вовремя, почти сразу со стороны деревни послышался конский топот, нас догоняли деревенские. Вятич показал мне на лук, похлопал по шее свою лошадь и... шагнул на дорогу. Я осторожно вытянула две стрелы из тула, положила на налучье, взялась за тетиву, выбирая щель между кустами так, чтобы стрелять было удобней. Тишаня таращил глаза, словно увидел привидение с мотором, но стойко молчал.

Всадники выскочили из-за поворота и встали, как вкопанные, потому что посреди дороги их ждал Вятич. Стоял один, без лошади и даже без оружия в руках, спокойно глядя на преследователей.

– Кого догоняете, не меня ли?

Старший явно растерялся, но он не Тишаня, потому долго сомневаться не стал:

– Тебя... Недоплатил ты, мил человек.

– Ну, иди сюда, доплачу...

Мужик тихонько тронул свою лошадь, с усмешкой доставая из-за пояса топор.

– Какую ж ты плату с меня захотел?

Голос Вятича спокоен, словно это не на него наезжал с топором ражий детинушка. Может, детина и хотел что-то ответить, да не смог, потому что в следующее мгновение в его топор с силой ударилась стрела, заставив самого хозяина чуть не кувыркнуться с лошади. Еще через мгновение вторая стрела просвистела мимо головы другого догонявшего, совсем рядом с носом. Не зря я столько времени тренировала руки и глаз у эрзя, и скорострельность, и точность были выше всяких похвал! Я не собиралась никого убивать, а вот попугать – пожалуйста.

Удалось, ошалев, наши преследователи рванули обратно, только снежные комья полетели из-под копыт.

– Эй, а попрощаться?!

Нападавшим было не до вежливости. Что за народ в этих местах, ограбить и то толком не умеют.

Вятич сделал знак, чтобы выезжали, кивнул:

– Молодец, не разучилась.

Тишания смотрел на меня действительно, как на привидение с мотором. На всякий случай я объяснила обалдевшему парню:

– Мне приходилось и Рязань защищать, и в дружине биться.

Несостоявшийся разбойник помотал головой:

– Вот мне бы так...

– Научу.

Мужика вдруг прорвало:

– Да я вам... да я за вас...

– Чего?

– Да я за вас жизнь отдам!

– Не надо! – взвыли мы с Вятичем в один голос.

– Ты лучше и впрямь научись и иди в дружину, твоими кулаками и без меча можно лошадей валить, а уж с мечом цены не будет.

– Ага. – Рот Тишани разъехался, показав щербину между зубов сбоку.

– Выбили, что ли?

– Не... вырвал. Болел, зараза, сильно. Чуть не всей деревней дергали, – засмеялся, видно вспоминая сие событие, Тишания.

Я представила, как деревенские, уцепившись за канат, привязанный к Тишаниному зубу, тянут-потянут его, словно сказочные герои репку. Стало смешно.

Так у нас появился неожиданный, пока еще неумелый, но очень сильный помощник.

Дальше ехали уже без приключений, даже Тишания быстро привык к двум удивительным для него вещам: к тому, что я опытный воин, а еще к нормальной еде. В его взгляде быстро появилась этакая сытость, он вставал из-за стола с довольным и умиротворенным видом. Его Звездочка тоже являла собой уже совсем не ту тощую клячу, которую Вятич приобрел недавно, она не только довольно резво передвигалась, она еще и быстро превращалась в красавицу, на которую, кажется, положил глаз конь Вятича. Однажды, заметив такие конские амуры Быстрого по отношению к Звездочке (Слава-то его отшила давно), я выразительно сунула ему под нос кулак. Пусть только попробует Звездочку обрюхатить! Производство жеребят в наши планы не входило. Успокаивало разве то, что стояла зима, значит, не время миловаться лошадям, но кто ж его знает, вдруг он «неправильный»?

Увидев, как я грожу Быстрому плеткой, сотник поинтересовался:

– Ты чего?

– Есть угроза платить алименты за твоего Быстрого в пользу Звездочки.

Вятич расхохотался, а Тишания весь напрягся, готовый встать на защиту своей любимицы.

– Не бойся, если такое случится, мы Звездочку на другую кобылу поменяем, с жеребенком ее возьмут с удовольствием.

Для Тишани, который успел привязаться к Звездочке всем сердцем (больше он ценил только Вятича), это был удар. Парень попытался заслонить собой кобылу:

– Чего это? Не-е... Я ему не дам.

– Ну, так береги ее сам.

Теперь, стоило нам остановиться, Тишания непременно оказывался между Звездочкой и Быстрым, всем своим видом демонстрируя, что в обиду кобылу не даст. Смешно, потому что по ночам лошади все равно были рядом, конечно, привязанные, но все же.

Наконец мы прибыли на берег Ильменя. Там, на другом берегу, уже Новгород...

Но ехать дальше не получилось, все последние дни шел обильный снег, заносивший не только звериные следы, но и санный путь тоже.

Новгород

Перед нами лежала снежная равнина, кажется, скачи и скачи, но бывалые люди посоветовали ехать осторожно, уж очень норовистое озеро Ильмень, а еще лучше подождать, потому как завтра непременно пурга будет. А уж если пурга, то и вовсе направление потерять можно и кружить, пока не погибнешь, на одном месте.

Гибнуть вовсе не хотелось, мы не настолько спешили, чтобы рисковать, а потому устроились на постоялом дворе и принялись отдыхать, то есть попросту бездельничать. Вятич честно признался, что я его жена, просто из необходимости одета в мужскую одежду, и нам отвели крохотную каморку под самой крышей.

Уже к вечеру и правда пошел снег. Меня всегда удивляло, что если посмотреть вверх на падающий снег, то он кажется серым, а сев, снежинка становится совсем белой.

К утру сугробами было укрыто все, снег спрятал и следы на льду тоже. Но теперь он не просто тихо падал с небес, ветер гнал его куда-то, забрасывал за шиворот, в рукава, швырял горстями в лицо и переметал, переметал, выравнивая, сглаживая все вокруг.

Какое же это мучение, когда тебе нечего делать! Дома я бы книгу почитала, телевизор посмотрела, куда-то сходила, кому-то позвонила, кто-то позвонил мне... Да нет, у меня и не было такого времени, чтобы я бездельничала, а тут одна маета.

Хотела отправиться на кухню помогать хозяйке, но выяснилось, что хозяйки нет, а есть суровый, раздражительный хозяин и несколько холопок, весьма неопрятных и дурно пахнущих. С ужасом подумав, что после такого приступа альтруизма с неделю не смогу вообще брать в рот пищу, я поспешила проветриться на улице.

Скорей бы уж метель прекратилась!

На постоялом дворе за столами с раннего утра до позднего вечера ели и пили, пили и ели. Там собралось уже немало народа, которому позарез нужно в Новгород, и народ этот весьма занятный, потому настоящим развлечением могли быть наблюдения за подвыпившими мужиками. Проблема одна – подвыпившими они оказывались исключительно с утра и в состоянии прямо-таки ломки с похмелья, а потому злые до озверения, и наблюдать за ними опасно. Да и неинтересно. В остальное время напивались до поросычьего визга. Странно, я всегда считала, что медами до крутого похмелья напиться невозможно, но Вятич хмуро объяснил:

– Да пьют что попало. В пиво вон дурман-корня добавляют, чтоб дурели.

Вот так, получалось, что и в древние времена Обществу потребителей работа нашлась бы. Только где оно, ау? Что в двадцатом веке, что в тринадцатом торговцы ловчат, а управы на них никакой.

Я поняла, почему столы в общем зале, если можно так назвать большой сарай, изображавший из себя обеденное помещение, не просто дубовые, а безмерно прочные и тяжелые. Хозяин хорошо знал нравы мужиков, так же, как и я, маявшихся от безделья. Видно, непогода задерживала здесь многих и часто.

Столбы на толстенных ножках со столешницами толщиной с мою ногу, лавки приколочены к полу, столбы, на которых держался потолок, тоже из целых деревьев. Я вдруг почему-то подумала, сколько же голов разбито об эту мебель.

Поболтавшись по дому, я все же выползла на улицу. Вятича нашла на берегу, тот разговаривал с каким-то купцом. Немного постояли, глядя в мутную серую пелену, за которой не то что самого озера, скоро и берегов не будет видно.

– Вятич, а почему это озеро считается опасным? Берега низкие, ни скал, ни подводных камней...

– Потому и опасное. Ильмень – озеро мелкое с низкими берегами, но проточное. В теплое время малейший ветерок поднимает нешуточные волны, которым просто негде останавливаться, плещутся от края до края. Местные говорят, что Озерный шутит. Хуже только Нево.

Да уж, про крутой нрав Нево, то есть Ладожского озера, мне можно не объяснять, единожды испытала на себе, два дня маялась после небольшого шторма.

– Скучно, скорей бы уж снег прекратился.

Я вдруг загадала: если завтра погода улучшится, значит, Озерному наши патриотические порывы по душе. А если нет? Если нет – он не прав.

Озерный положение осознал, с утра светило солнце. Выползавший из своих комнатух народ спешно опохмелялся и торопился отбыть. Постоялый двор стремительно пустел. Но я понимала, что уже к вечеру он снова будет полон тех, кто пересиживал непогоду по ту сторону озера и торопился в обратном направлении.

Мы тоже двинулись в путь. Отоспавшийся и отъевшийся Тишаня, кажется, заметно прибавил в габаритах, хотя куда уж больше. За три дня нормальной кормежки залоснилась и Звездочка. Вот что с людьми и животными сытость делает!

Но ни лошадь, ни хозяин не ленились, Тишаня по собственному почину вычистил наших коней и перегрузил большую часть поклажи на спину Звездочки, та ничего не проржала в ответ, видно, была согласна. Парень и его коняка честно отрабатывали достойную кормежку, ой, наверняка Тишаня приклеился к нам надолго, его теперь от Вятича не оторвешь и клещами и ни в какую дружину не переманишь.

Так и есть, парень поминутно заглядывал в лицо сотнику, словно интересуясь, не надо ли чего. Вятичу такое раболепное внимание надоело, и он рявкнул:

– Да перестань ты на меня таращиться, я же не девка!

Теперь Тишаня смотрел только искоса.

Сначала мы ехали в составе обоза, но потом поняли, что это слишком медленно, все же верхом можно быстрее, чем в санях, даже если запряжена птица-тройка, а здесь таких не заметно, все сани груженные с верхом. Когда стали обгонять, и Тишаня, и его кобыла смотрели на бедолаг-лошадей, тащивших эти горы товаров, с жалостью, кажется, даже Звездочка прониклась элитностью своего нынешнего положения.

Наконец вдали показались стены Новгорода. Я прикидывала: мы ехали от Ильменя, значит, справа Торговая сторона, слева – Софийская с детинцем. Интересно, как мы узнаем, где Анея с Лушкой?

Вятич хмыкнул:

– На Софийской. Анея с епископом Спиридоном в дружбе, она небось в епископских палатах.

Да, на тетку это похоже, где же жить «Ее Величеству» Анее Евсеевне, как не в царских хоромах? Я вспомнила Рязань и то, как тетке кланялись все, вплоть до князей, и согласно кивнула:

– Не иначе.

Вятич оказался прав, Анея с Лушкой жили пусть и в небольших хоромах, но на епископском дворе.

Я откровенно волновалась, ведь мы расстались два года назад в Козельске. Сколько всего произошло за это время!

На крыльцо метнулась рослая красивая девушка, вернее, молодая женщина, и застыла, вытаращив глаза:

– Нас... тя... Настя?! Настя!

Двор огласил откровенный визг, Лушка вмиг слетела с крыльца и вцепилась в меня.
– Лушка... какая ты стала... красавица.

Сестра махнула рукой:

– А, ерунда. А мы в Козельске когда были, я тебе там бересту оставила. Настя, столько рассказать надо, столько...

– Я знаю, читала бересту. Луша, Андрей погиб?

Глаза сестрицы остановились, улыбка стерлась с лица:

– Не только Андрей. Илларион с ним вместе, он нас догнал после Козельска. А еще мой сыночек тоже, всего денек и прожил.

– Ты моя бедненькая. – Я прижала Лушку к груди, и мы с ней попросту разревелись в два ручья.

От крыльца послышался голос тетки:

– Шли бы слезы лить в дом, застудитесь.

Я сообразила, что Лушка и впрямь раздета, укрыла ее распахнутым кафтаном и повела на крыльцо.

– Ну, здравствуй.

– Анея...

Как же я была рада видеть строгую тетку!

– Ишь, какая стала... И шрама нет...

Мы пошли в дом, обниматься там.

Немного погодя Тишаня сидел, тараща глаза, и слушал наши рассказы о событиях после Козельска. Кажется, больше всего в жизни он теперь жалел, что посмел даже подумать о том, чтобы ограбить столь заслуженную боевую подругу, как я, но этому же и был больше всего рад. Не вытерпев, он осторожно поинтересовался:

– А ты эта... Настя, и впрямь вот так мечом билась?

– Эта... и впрямь. Побывай в моей шкуре и не то делать научишься.

Одно осталось невыясненным: чем же закончился бой под Сырней и куда девались мы с Вятичем. Кажется, все поняла только Анея, они с Вятичем просто переглянулись, тот кивнул, и все. Но Лушке было все равно, она сидела, прижавшись ко мне, и только вздыхала.

– Вы вместе? – глаза Анеи перекинулись с меня на Вятича и обратно.

Я кивнула:

– Конечно, я без Вятича давно пропала бы.

Тетка рассмеялась, поднявшись с места, чтобы позвать слуг:

– Без него жила бы и жила себе спокойно...

– Ну нет! Я еще должна Батыя убить!

Тетка только знак сделала холопкам, те засуетились сами, а мне ответила с усмешкой:

– Батый в степи, а вы в Новгороде. Что еще удумали?

Вот пронизательность, ничего от Анеи Евсеевны не скроешь. Вятич усмехнулся:

– Есть мысль одна...

– Ладно, потом поговорим.

На столе перед потрясенным Тишаней разворачивалась скатерть-самобранка, роль которой выполняли быстрые слуги. Он только успевал переводить взгляд с одного блюда на другое, не веря своим глазам. Мне стало смешно: так-то, дорогой, это тебе не постоянный двор на берегу Ильмень-озера, это застолье с дорогими гостями у боярыни Анеи Евсеевны. Тут было все: большущий поросенок, почти кабан, обложенный яблоками, рыбина, судя по морде – осетр, нарезанная тонкими пластами, видимо, дичина, и птица, и капуста, и грибочки, и каша, от блюда с которой шел пар, и пузатый сосуд, явно не с колодезной водицей...

Две бадейки с икрой... Я не удержалась:

– Икра черная... икра красная... икра заморская баклажанная...

Лушка тут же влезла:

– А что такое баклажан?

Меня понесло:

– Рыба такая. Икру мечет раз в три года, потому икра дорогая.

Вятич только головой покачал, стараясь сдержать улыбку.

– А ты пробовала?

– А как же! Каждый день по банке.

– По чему?

Вот блин, она же понятия не имеет про то, что такое банка.

– Ну, по вот такой бадейке.

– Вкусная?

– Кто?

– Икра вкусная?

Я поморщилась:

– Да так себе.

Лушка со мной категорически не согласилась:

– Ежели такая редкая, значит, вкусная. Ты просто не распробовала.

Под насмешливым взглядом Вятича я была вынуждена согласиться:

– Наверное.

– А где водится эта рыба баклажан?

Не знаю с чего я вдруг ляпнула:

– В Швеции.

Сказала и забыла, а вот Лушка нет. В ее памяти отложилось, что в Швеции водится такая странная рыба – баклажан, которая мечет икру всего раз в три года и, следовательно, является дорогой и малодоступной.

Теперь Тишаня и вовсе не знал, как себя вести, никогда в жизни не едал за таким столом.

Вятич прикрикнул на нашего «защитника»:

– А ну садись и ешь, как все! С нами, значит, с нами. Других разносолов не будет, ешь эти.

– Дык... какие ж еще разносолы? – Глаза бедолаги разбегались от выставленного на стол.

– Тишаня, у Анеи Евсеевны всегда так, она у нас боярыня щедрая.

Лучше бы я про боярыню не говорила, потому что парень, кажется, вознамерился и вовсе бухнуться на колени. Остановили только два бешеных взгляда – Вятича и самой Анеи.

– Это что вы за детинушку робкого десятка привезли с собой? Меня, бабу, испугался.

– Да не робкого он, Анея, просто с боярами за столом небось никогда не сиживал. Да, Тишаня?

Тот быстро закивал своей большущей головой.

– Ты привыкай, теперь здесь жить будем, если Анея Евсеевна не погонит. А ты с нами.

Анея усмехнулась:

– А вы Батыя за собой не тащите?

– Нет, мы теперь кое-кем другим займемся. Садись, Тишаня, и ешь, не заставляй меня сердиться.

Конечно, парень привыкал с трудом, но было видно, что такая жизнь ему очень нравится. Не разбаловался бы.

Позже вечером, отправившись посмотреть, как там моя собственная лошадка, я нечаянно услышала, как Тишаня рассказывал Звездочке, что у него нынче не жизнь, а сказка, в которую и поверить трудно. А еще обещал:

– Ежели надо, дак я за них и впрямь жизнь свою отдам или кому горло перегрызу.

Очень хотелось сказать, что не кому, а лучше сразу Батыю, но, не желая выдавать себя, я осторожно скользнула прочь, потому ответа Звездочки не слышала. Наверняка кобыла была

с хозяином согласна, потому как раньше овса попросту не видела, в лучшем случае сено, а теперь вон как раздалась на вольных кормах.

Моего спокойствия хватило на два дня. Ровно столько мы с Лушкой рассказывали друг дружке о произошедших за два года событиях. Дольше душа не вынесла, и так бездельничала столько времени, уже руки чесались с кем-нибудь повоевать. Я принялась сначала намекать, а потом и просто требовать от Вятича встретиться с князем Александром.

– Ты всерьез считаешь, что без нас со шведами не справятся?

– Конечно!

Как он может сомневаться, иначе для чего мы здесь?

– Откуда такая уверенность?

– Невский даже не знает пока, что они приплывут.

– Кто не знает?

Я сообщила, что поскольку битвы еще не было, то и прозвища у Невского тоже нет.

– Князь Александр.

– Ярославич. Учись называть князя, как все зовут. Александр Ярославич. А теперь задачка для второго класса: если новгородские купцы уже второй год видят сборы шведов, датчан, норвежцев и еще много кого, слышат разговоры о крестовом походе на язычников и помогающих им русских, то как могут не знать об этом в Новгороде?

Почему-то стало просто обидно, героизма и спасения Руси снова не получалось. В Рязани я чуть не на площади орала, что вот-вот придет Батый, а они не слушали и оказались почти не готовы. Неужели и здесь так же?

– Если знает, значит, готов?

– В какой-то степени да, у него дружина и ополчение тренированы хорошо, лучше козельских. Но если скандинавы соберутся все вместе, то даже такой дружине будет не устоять, слишком неравны силы. Надо другое придумать, загородить неевский фарватер, что ли?

И снова: «Думай, Чапай, думай!» А пока не придумали, к Невскому нечего и ходить.

Самого князя мы увидели на Софийской площади, видно, зачем-то приезжал к епископу, а может, и в собор. Высокий, стройный, голубоглазый...

Какой же он красивый! И молодой. Совсем мальчишка, у которого недавно небось голос ломаться закончил. Теперь басовитый, богатырский.

Я глазела на Невского не хуже, чем когда-то на князя Романа Ингваревича, с той только разницей, что в Романа тогда влюбилась, а теперь у меня был Вятич и другого не нужно. А князя Александра невольно сравнивала с его киношными образами.

Черкасов в старом фильме, по сути, был похож, только староват, а те мальцы, что играли в постсоветских подделках, просто мелюзга по сравнению с настоящим князем. Вот черт его знает, не в одежде дело, не в людях вокруг, но почему-то сразу видно, что это князь, молодой, неопытный, горячий, но князь. И так хотелось ему помочь, что даже зубы заболели.

Вятич удивленно покосился на меня:

– Ты чего?

– Его в обиду дать нельзя!

– А кто собирается-то?

– Я Биргеру башку снесу раньше, чем он к Неве приплывет.

– О, еще одна жертва Настинной ненависти. Бедный Биргер, живет себе и не подозревает.

– Посмейся, посмейся. Если бы вы меня не остановили, Батый был бы давным-давно придушен.

– Ну, встал бы на его место Гуюк, а он куда жестче и хуже.

У меня даже дыхание перехватило от возмущения:

– А Батый, значит, лапочка, белый и пушистый?!

– Тихо-тихо.

Такие разговоры посреди улицы вести опасно, на нас стали поглядывать, это совсем ни к чему. Я благоразумно замолчала, правда ненадолго. То ли Настя (то есть я) все же похожа на Лушку характером, то ли я просто много набралась у сестрицы за время общения, но я тоже не могла молча переваривать какие-то вопросы.

– Вятич, но время-то идет. Может, просто предупредить князя, что летом приплывут шведы, чтобы уже готовился, а? И нам самим надо что-то придумать. Я хорошо помню, что даже в самые теплые годы Ладожское озеро подо льдом почти до конца марта, мы однажды в апреле дрожали от холода, когда по Неве из Ладоги лед шел. А корабли плавать начнут и того позже. Сколько нам времени останется? Пока доберемся до Швеции, пока поймем что к чему...

– Я и сам об этом думал, но как иначе? Нам придется добираться через Висбю. Но в одном ты права, надо на всякий случай осторожно предупредить князя Александра. Только вот как это сделать, вокруг него и вообще в Новгороде трется столько странного люда...

И все-таки мы нашли способ пообщаться с будущим Невским. Вернее, нашла Анея. Выслушав наши страдания по поводу невозможности нормально, без любопытных ушей поговорить с князем, она лишь коротко кивнула, чуть приделась и отправилась к своему приятелю архиепископу Новгородскому Спиридону. О чем говорила, нам не рассказала, но объявила, чтобы были готовы назавтра поговорить.

– С кем, с епископом или с князем?

– Зачем тебе епископ? С князем, конечно.

– Что ты ему сказала?

– Что есть люди, которым стоит доверять и которых стоит послушать. Не обманите ожиданий.

– Ты только молчи, – наставлял Вятич, – я сам скажу все, что нужно.

– Не доверяешь?

– Нет, просто ты у нас девушка увлекающаяся.

Пришлось согласиться, есть такое.

Вятич действительно говорил сам. Он спокойно объяснил, что, вообще-то, мы из Козельска, того, который уничтожил Батый. Князь вздохнул:

– Да он много что уничтожил.

Из этого заявления я поняла, что не одна я понятия не имела, где находился, например, Вщиж, князь Александр, кажется, и Козельск плохо себе представлял. Ошиблась, оказалось, что даже бывал, и не единожды.

Вятич стал говорить о том, что крестовый поход на Русь может начаться совсем скоро.

– Да знаю, который год собираются.

– А в этом году придут. В середине лета в Неву, потом на Псков.

– Откуда знаешь?

Вятич уклончиво объяснил, что знаний много и получены они праведным путем. Внимательно приглядевшись к сотнику, князь, видно, что-то для себя понял, потому что махнул рукой:

– А, какая разница. Говори.

Объяснения про летний морской ледунг шведов, датчан, норвежцев и остальных слушал внимательно, покусывая небольшие пока усики. Голубые глаза чуть прищурились, видно, Вятич задевал больные струны.

– Уже который год торговать не дают, не все, конечно, но многие. И чем мы им помешали? Если морской поход объявили, значит, на Ладогу пойдут, а если всей армадой, то Ладогу не

удержать. Возьмут Ладогу, Новгород будет отрезан от моря. И биться нашими ладьями против них тоже никак. У нас больше торговые, а у них боевые. Нет у нас столько ладей, чтоб против всех сканов биться!

Кулак князя грохнул по столешнице так, что звякнула стоявшая на ней посуда.

– Куда ни кинь – всюду клин. Ополчение на ладьях только переправляться куда-то может, к морскому бою не приучено, и быстро не выучишь. Выходить против них в море – заведомо людей губить. И в Ладоге ждать нельзя. Новгородцы биться на земле приучены, а тут против такой силищи в море... Если все сразу пойдут, как их папа зовет, то не сдюжим.

Моя душа не вынесла таких княжьих страданий, было до смерти жаль юного Невского:

– Да поссорить их надо!

– Кого?

– Шведов, норвежцев, датчан... Биргера с кем там, с Улафом Фаси... Чтобы действовали врозь и вообще не все в поход пошли.

Я смотрела не на князя, ошарашенного таким предложением, а на Вятича. Тот даже глаза сузил, видимо прикидывая возможность такого развития событий.

– Как же их можно поссорить, если они там, а мы здесь? – усмехнулся Невский.

– А это уж наше дело, князь. Готовь дружину к пешему бою и оставь дозор по берегу, чтобы загодя предупредили о подходе. Настасья права, мы чуть помозгуем и снова к тебе придем. Только пока никому говорить не стоит, в Новгороде лишних ушей ох как много.

– Твоя правда, даже в ложнице иной раз боишься что-то сказать, так и подслушивают.

– Ничего, справимся... и не только со шведами!

Князя я, может, таким бодреньким заявлением и обнадежила, а вот со стороны Вятича вызвала бешеный взгляд. Чего он, я же не собиралась заранее рассказывать ни о Невской битве, ни о Ледовом побоище. Я почти обиделась.

Так и есть, стоило остаться одним, Вятич принялся выговаривать, что не умею держать язык за зубами.

В хоромах Анеи разговор пошел немного другой.

– Как ты мыслишь поссорить шведов и датчан?

– Вотрись в доверие к Биргеру или вообще королю, другого не дано...

– И ты думаешь, я отпущу тебя туда одну? Нет, опасно, это не по ордынским тылам мотаться.

– Конечно, – с места поднялась Анея, – поедем все втроем.

– Чего?! – Лушка не просто возмутилась, у нее даже дыхание перехватило.

Анея спокойно кивнула:

– Ты третья.

– А... тогда ладно.

– Мало мне одной Насти, чтоб вас троих охранять! Все дома останетесь.

И тут я увидела такое, чему не сразу поверила. Анея просто скрутила кукиш и сунула его Вятичу под нос:

– Сами поплывем! То, что три бабы сделают, и сотне мужиков не сделать.

Мы сплотились и стояли плечом к плечу, словно готовые умереть друг за дружку. Наверное, так и было, но никто нападать не собирался. Несколько мгновений Вятич ошалело глядел на нас, а потом вдруг захохотал:

– Ну, Биргер, берегись!

– А что, мы ему покажем кузькину мать!

Лушка тут же принялась выдумывать, каким образом мы будем эту самую мать показывать. Бедный Биргер, если ему икалось от Лушкиных фантазий, то не завидую, потому как быть

просто вздернутым на суку, причем обязательно за ноги, оказалось самым легким наказанием за одно только намерение плыть в сторону Руси.

– А давайте его в лесу раздетым к сосне привяжем и оставим на ночь, чтобы комары сожрали? А давайте вниз головой в кадушку? А давайте...

– Стоп! Биргер не Тишаня, как телок за нами в лес не пойдет и в кадушку головой добровольно не полезет. А давай без давай?

Лушка чуть похлопала на Вятича глазами и покорно согласилась. Ох, что-то мне не слишком верилось в послушание сестрицы... Вятичу, видимо, тоже. Он усмехнулся:

– Луша, и не выдумывай, наделаешь глупостей, не расхлебам. Иначе оставим здесь.

– Нет!

Лушка с надеждой смотрела на мать, как-никак мы только что были солидарны против Вятича, но на сей раз Анея оказалась на стороне сотника. Да и я тоже. Бедолага со вздохом согласилась:

– Ладно, придумывайте сами...

– А мы здесь и придумывать не станем, там будет видно, как с ним бороться.

В словах Анеи был резон, но Вятич почему-то не согласился:

– Чего вы к Биргеру привязались? Одна жизни себе не мыслила, пока Батыя не убьет, теперь вы...

– А чего это ты в прошедшем времени говоришь? Я не забыла, что должна его уничтожить. И кто, спрашивается, виноват, что мне не дали Батыя придушить?

– Ладно, ладно, воительница. Надо же посмотреть, мы даже не знаем наверняка, был Биргер в походе или нет.

– Как это?! Ты что, не веришь, что его князь Александр копьем ранил? У него же действительно правая бровь рассечена!

– Бровь, Настя, можно рассечь и о дверной косяк, спяну стукнувшись. Поживем – увидим.

Я не успокоилась:

– Таких совпадений не бывает.

– Бывает все, тебе ли об этом не знать. Сейчас надо думать, как нам вообще в Сигтуну попасть.

– А что тут такого? Весной поплывем, и все.

– Объясняю политическую ситуацию. Если ты думаешь, что нас встретят с букетами цветов и красной ковровой дорожкой, то ошибаешься.

Тут я увидела, как смотрит Лушка. Ее глаза буквально впились в лицо Вятича, понятно, мы были для сестрицы динозаврами или инопланетянами, не знаю, кем больше. Сотник чуть смутился:

– Папа римский... ну, это их самый главный поп...

– Как Илларион?

Чуть подумав, Вятич махнул рукой:

– Можно и так. Папа римский Григорий запретил торговать с Новгородом под угрозой отлучения от церкви. Конечно, не все подчинились, но новгородцев теперь в Сигтуне и вообще в Скандинавии не приветствуют. Появление такой компании, как наша, может вызвать большие подозрения.

– Скажем, что поссорились с князем и вынуждены были бежать.

Мы вытаращили глаза на тетку, ну надо же, как работает голова у Анеи! Пожалуй, политические беженцы приветствовались и в тринадцатом веке тоже.

– Ладно, там видно будет.

Но Вятич задумал еще одно дело. Он снова встретился с князем, и они куда-то уехали. Я забеспокоилась, Анея коротко объяснила:

– Отправились куда-то на берег реки к порогам. Видно, что-то замыслили.

Я промолчала, хотя уже поняла, что именно замыслил Вятич – показать будущему Невскому будущее место его битвы. Можно ли такое делать, но если Вятич делает, значит, можно.

Сотник вернулся через три дня, мои мысли подтвердил:

– Показал берег Ижоры, пусть подумает пока. Наше дело теперь быстро добраться и быстро крестоносцам все разладить. Тех, кто все же приплывет, Александр здесь добьет. Знаешь, мы с Пельгусием разговаривали. Толковый мужик, обещал крепко морской дозор держать. Думаю, справится.

Да уж, интересно встречаться с людьми, о которых знаешь по летописям и учебникам истории.

Мне только показалось, что зима будет тянуться долго, рядом с Лушкой время полетело очень быстро. Новгород зимой был оживленным не меньше, чем летом. Как только ударили морозы, горожане залили несколько горок, вернее, сделали снеговые желоба – ледяницы, ведущие прямо на лед Волхова. Там с утра до вечера стоял немолчный гвалт, визг, крики, потому что катались все от мала до велика, кто на чем – у кого-то бывали и санки, кто-то просто садился на рогожку, а некоторые за неимением оных или попросту от нежелания что-то тащить с собой, съезжали на собственных задах.

Разворотливые умельцы неподалеку продавали ледянки – нарочно сплетенные из лозы короба, у которых дно снаружи было промазано и заморожено, чтобы легче скользило. Изнутри их выстлали сеном и старым тряпьем, чтобы задам было приятней. Ежели днище протиралось, его просто меняли и ездили снова.

За время крещенских морозов горки прихватались так, что любо глядеть. А уж когда наступила Масленица... Мы с Лушкой усидеть дома, конечно, не могли, да и Анея с Вятичем тоже. Тишаня оказался еще и умельцем, он соорудил нам с сестрицей отменные санки, и радости было!..

Тишаня таскал наши санки на гору, съезжал следом на простой рогожке, чтобы не портить полученный от Анеи тулупчик, а потом снова поднимался, цепляя еще и нас самих. Мы веселились, точно две девчонки, хотя по всем позициям были уже взрослыми, ведь Лушка даже вдова, пусть и пятнадцати лет, а я так вообще семнадцатилетняя женка. Но ни я, ни Лушка не осознавали себя таковыми. Как можно удержаться, если парни цепляли ледянки между собой в огромный поезд, а потом эта здоровенная гусеница катилась вниз с диким визгом и криками, в конце концов, конечно, все переворачивалось, образовывалась куча-мала, из которой удавалось выбираться с трудом. Были и разбитые носы, и синяки с шишками, нас, правда, миновали сии радости, как-то обходилось, зато восторга... Умели на Руси-матушке веселиться.

Взрослые солидные люди наблюдали за молодежной вакханалией с усмешкой, но было видно, что и им хочется также лететь с горы вниз, крича от восторга, только положение не позволяет.

Однажды мы заметили и князя с княгиней. Молодая пара стояла, с завистью поглядывая на развеселый санный поезд, но Александра видно была в тяжести, не рискнула садиться в сани, князь без жены этого делать не стал.

Княгиня Александра стояла в окружении ближних боярынь, одетых из-за мороза во множество одежек и очень похожих на баб для чайников, с красными носами и щеками, неповоротливых и важных. Бедная, если вокруг нее все время вот такие тетki, как же скучно жить! Мы с Лушкой решили, что куда лучше, как мы – и не бедствуем, и свободны.

Особенно веселились на Масленой неделе. Ни тогда, ни через тысячу лет после крещения не удалось выкорчевать этот языческий, по сути, обряд проводов зимы. И в неверующей Москве, и в Новгороде тринадцатого века с одинаковым удовольствием пекли блины, потчевали ими друг дружку и готовились прощаться с Зимой-Зимерзлой.

Лушка примчалась откуда-то как угорелая, блестя глазами. Если бы не этот блеск, можно испугаться, а так ясно, что случилось что-то очень приятное.

– Пошли!

– Куда?

– Там крепость снежную строят!

На берег, куда к стенам детинца и впрямь начали свозить глыбы снега, старательно выпиленные подальше у озера, мы отправились все вместе. Лушка гарцевала, как боевой конь при звуках битвы, ей не терпелось тоже схватиться за постромки саней, на которых возили заготовки для будущей крепости.

Мне было интересно смотреть на Тишаню, тот тоже весь извелся от желания помочь. Вятч толкнул его в бок локтем:

– Ну, чего стоим, пойдем помогать.

– Ага!

– А мы?! – взвыли мы с Лушкой в два голоса.

– А что вы? Кто вам мешает?

Забыв о своем статусе – одна замужней дамы, вторая вдовы, – мы ринулись в общую кучу. Вообще, здесь никто ни о чем не думал, работали все, не чинясь родовитостью или богатством, а то и возрастом. Шутки, часто забористые и далеко не всегда приличные, смех, радость от общего дела, пусть и потешного, морозец, солнце... ну что еще нужно для счастья?

На берегу строительная артель распорядилась укладкой свозимых глыб, кого-то распекала, кого-то хвалила, стены росли быстро, все же и работников тоже нашлось немало. Конечно, отличился Тишаня, не всякому удавалось тащить такие сани, какие вытягивал несостоявшийся разбойник. Его силушку быстро оценили, а потому заранее старались переманить Тишаню и будущие защитники крепости, и будущие нападающие.

Мы с Лушкой тоже лопатами вырубали снег, грузили на санки и тянули к берегу. Я залюбовалась сестрицей: раскрасневшиеся от мороза и физических усилий щеки, блестящие голубые глаза, черные росчерки бровей... Лушка была дивно хороша!

– Давай, помогу! – к моим санкам сунулся какой-то парень, явно пытавшийся заигрывать.

– Да я справлюсь.

– Давай, давай, вверх вытяну, а дальше легко пойдут.

Вытянуть санки со снегом по довольно крутому склону оврага и впрямь было нелегко, его склоны уже утоптало множество ног, было скользко, при попытке упереться ноги разъезжались, и мы с хохотом валились друг на дружку.

Через некоторое время я просто забыла о помощнике, настолько увлекла постройка крепости. Но он не забыл, все крутился рядом, то подталкивая мои сани, то помогая грузить блоки на них... Неизвестно, чем бы все кончилось, видно, пришлось бы вежливо, но твердо отказывать настойчивому ухажеру в помощи, но на берегу рядом оказался Вятч. Они с Тишаней уже поднимали блоки вверх, старательно выравнивая, чтобы стена не рухнула раньше времени, завалив собственных защитников.

– Принимай!

Вятч, хохоча, слетел вниз и сгреб меня в охапку. Это никого не удивляло, в общей толчее таких сцен бывало немало, многие пользовались возможностью помилиться открыто. Потом мы вместе втаскивали эту глыбу вверх, а внизу меня встретил тот самый помощник:

– Твой, что ли?

– Муж, – кивнула я.

– А...

Парень напрочь потерял ко мне интерес, ухаживать за женой да еще и такого мужика, как Вятич, опасно для здоровья. А то, что мне по-прежнему тяжело вытаскивать из оврага снежные глыбы, его уже не беспокоило: есть муж, пусть он и помогает.

Но глыб было достаточно, городок получился отменный. На стыки между снеговыми кирпичами поплескали водой, чтобы за ночь схватились, но не оледенели совсем, и, весело галдя, разошлись по домам до утра. Завтра последний день Масленицы, завтра городок штурмовать и чучело Зимы-Зимерзлы жечь.

Анея стояла наверху, издали наблюдая за строительством. Я ничуть не сомневалась, что ей очень хотелось быть вместе со всеми, но положение обязывало находиться над. Мы же были совершенно мокрые и от пота, и от снега, попавшего за шиворот и в рукава, платки сбились, волосы подрастрепались. Но на такие мелочи никто не обращал внимания.

Оказалось, что Вятича выбрали тысяцким для завтрашнего штурма. Ему следовало наряжаться в нечто невообразимое, хотя наряжаться так не запрещалось и остальным. В поисках старых тулупов были перерыты все закоулки подворья, вытащено все мыслимое и немыслимое рваньё.

Лушка маялась от желания вырядиться и самой. Мы с ней нашли старый плащ, порвали на лоскуты еще какую-то рубаху, валявшуюся в чулане, нашили на плащ полоски, потом Тишаня помог нам соорудить из небольшой корзины подобие шлема у крестоносцев с прорезями для глаз, по бокам которого тоже прикрепили полоски ткани, рассчитывая, что станут развеиваться на ветру. Вообще-то выходило довольно жутко, не зная я, что за всем этим скрывается моя красавица-сестрица, приняла бы за нечисть.

Сама наряжаться я не стала, но Лушке обещала помочь. Мы решили не надевать этот костюм сразу, а обрядить сестрицу потом, уже когда начнется штурм городка, потому как оказались в команде защитников. Лушка потирала руки от предвкушения испуга нападающих. От Вятича все старательно скрывали – «чтоб не испугался раньше времени», как объяснила Луша.

Стягиваться на берег Волхова народ начал заходя, с самого утра, хотя штурм назначили на полдень. И верно, надо было заготовить побольше снежков, чтобы потом не тратить время на это.

Руки замерзли, погреть их дыханием и продолжать... Перед нами росла гора снежков, а на меня вдруг накатило такое... Вспомнилась другая стена и другой штурм – в Рязани, когда надежды выжить не было никакой. Мне стало настолько не по себе, что даже со стороны заметили.

– Ты что, Настя, худо?

– Ничего, просто Рязань вспомнила.

Лушка нашлась быстро:

– А ты лучше Козельск вспоминай! Как мы их по-татарски ругали. Как ты там орала-то?

Я была благодарна сестрице, ведь если бы основательно накатили воспоминания о Рязани или Сырне, то небо стало с овчинку. Лушка права, лучше думать о Козельске, но с первым апреля поздравлять не стоило, зато индейский клич я своим показала. Понравилось, а уж когда мы обрядили Лушку в черный плащ, увешанный рваными лоскутами, а на голову надели корзину с рогами, ахнули многие.

Лушку старательно прятали до самого штурма, чтобы разведка соперников не углядела раньше времени.

И вот дали знак, что все готово, по ту сторону тоже запаслись большим количеством снежков и теперь выкрикивали обещания взять нашу крепость раньше, чем петух курицу успеет потоптать. Я уже не дивилась попросту недопустимым в приличном обществе шуточкам, видно, бывали минуты, когда такое становилось нормальным. Защитники не обиделись,

с не менее ядреными шуточками приглашая готовых к штурму испробовать крепость стен, а заодно и защитников.

И вот сигнал к началу. Полетели первые снежки в обе стороны, раздался крик воеводы нападавших, потом нашего, и все остальное потонуло в диком оре сотен голосов. Орала и те, кто пытался приблизиться к стенам, и те, кто их защищал, и зрители, облепившие берега. Множество спугнутых птиц добавили гвалта.

Наступил миг Лушкиного триумфа. Появление вот такого черт-те чего на стене заставило наступающих даже замолчать, Лушка воспользовалась моментом и замахала руками, точно крыльями. Нашитые полоски ткани развевались на ветру, добавляя ужаса в ее облик.

Но нападавшие быстро опомнились, и в сестрицу полетел град снежков, пришлось быстро прятаться, мало того, в один из приделанных к корзине рогов попал снежок, сам рог сбил, а корзину развернул так, что сестрице не было ничего видно. Лушка сбросила корзину вниз на нападавших и тут же получила по лбу следующим снежком. Погрозив штурмующим кулаком, она скрылась за стеной, вызвав гомерический хохот по обе стороны.

Конечно, мы понимали, что должны сдать крепость, ведь она символизировала собой Зиму, а разрушение – победу весны над выюгами и холодами, но сдаваться сразу неприлично, и мы отбивали атаку за атакой. Но постепенно снежки закончились, а нападавшие становились все настырней. Вот уже в одном месте они преодолели стену, потом в другом...

Снежный городок пал и был разрушен под вопли довольной толпы. Разнеся то, что только вчера старательно строили (вот еще одна загадка русской природы – сначала с воодушевлением возводить, а потом с не меньшим разрушать собственное творение), народ разойтись просто так не мог, слишком еще бушевала внутри потребность либо намять бока, либо быть побитым самому, а скорее, и то и другое.

Выход находился всегда один – стенка на стенку.

Вытряхнув снег из-за шивороты и сапог, перемотав онучи и перепоясав тулупы, люд тут же на берегу подкрепился пирогами со сбитнем и был готов биться дальше.

Стенки собирались на льду Волхова. Можно бы и на мосту, но слишком много народа собралось, всем не поместиться, посадник все переживал, что снова ограждение сломают, да и сами доски сгоряча порушить могут, а потому решению выйти на крепкий лед только порывался.

Зато на мосту расположились наблюдатели из тех, что побогаче. Зрелище интереснейшее. Вот бы киношникам там побывать! Никаких темных, мрачных тканей, все настолько яркое, что в глазах рябило. Шубы крыты бархатом всех мыслимых и немыслимых цветов и оттенков. Кто сказал, что у них не было ярких красителей? Видно, все, что дошло до наших дней, просто со временем выцвело.

У женщин на головах собольи шапочки и поверх них богатые цветастые шали с бахромой по краям. Дочери на выданье в белых расшитых полушубках и таких же цветастых шалях. На ногах яркие ладные сапожки, на руках вышитые рукавицы, лица покраснелись на морозце, глаза блестят... Как тут не влюбиться какому-нибудь доброму (или не очень) молодцу?

Сами молодцы, вернее, те, кто постарше (молодежь ушла биться, негоже стоять, надо показать себя в деле), тоже нарядны донельзя. Сапоги у всех красные с позолоченными или серебряными застежками, кафтаны или плащи один другого ярче, шапки лихо заломлены на затылке...

К нам с Лушкой подскочили холопки с нарядными шубейками и сапожками, видно, Анея предусмотрительно распорядилась. Пришлось переодеваться, зато теперь и мы были достойны внимания...

Лушка рвалась поучаствовать и в стенке, но уж туда я ее не пустила. У сестрицы и так, кроме синяка на лбу, обнаружился второй под глазом. Пришлось уходить в ряды наблюдателей к Анее. Вятч с Тишаней, конечно, среди дерущихся. Они вообще показали свою удаль,

одними из первых ворвавшись на стены снежного городка, а потому теперь были попросту раздираемы противоположными сторонами с требованием биться именно за них.

Торговая сторона шла на Софийскую, потому Вятичу и Тишане полагалось быть в рядах софийских, но сотник решил по справедливости:

– Я в одну сторону, ты в другую.

Тишане, похоже, все равно, лишь показать удаль молодецкую.

Я заметила, как Вятич что-то внушал парню, видно, вдабливал правила стенки, чтобы ненароком никого не покалечил своей силищей.

Мы отошли к Анее, стоявшей рядом с епископом и большой группой бояр, рядом находился и князь со своей молодой княгиней. Александр Ярославич кивнул мне, как старой знакомой, что вызвало неподдельный интерес со стороны окружающих. А уж когда мы пробрались к Анее с епископом Спиридоном и тот благословил нас, ласково смеясь, здороваться стали и все остальные, причем так, словно мы были лучшими подругами каждой боярыне и давними знакомыми боярам.

Посадник посмеялся над Лушкой, прикладывающей к лицу снежок:

– Сие ранение зачтется, как боевое.

Я с ужасом ожидала, что сестрица что-нибудь ляпнет о моем боевом прошлом, но та только глазами стрельнула, промолчав.

Окружающие боярыни и боярышни придирчиво оглядывали нас, словно мы были им хоть в чем-то соперницами. Конечно, не были, но такова уж женская натура: если рядом оказывается женщина, но не подруга, обязательно надо оценить, хорошо, если доброжелательно. Судя по тому, что следом окидывался беглым взглядом и собственный наряд, и наряд подруги или сестры, Анея постаралась на славу, выглядели мы вполне прилично, вызывая зависть у соседок.

Но нам было наплевать, тем более с моста гаркнул во все горло какой-то священник:

– Люд православный, позабавимся-ка, благословясь! Помните об уговоре биться честно и без увечий.

Я всегда считала, что Масленица и вот такие игрища вызывают у церковников аллергию в лучшем случае, но в Новгороде, видно, так привыкли, что менять ничего даже в угоду новой вере не стали. Разумно, лучше пусть между собой воюют при штурме снежного городка или вот так – стенка на стенку, но без оружия, чем силушку друг против дружки применяют с кровопролитием. Хотя я подозревала, что и второе тоже бывает, слишком уж шумным показалось мне вече, прошедшее два дня назад. Орали так, что и снега на деревьях не осталось. Вятич потом объяснил, что это вовсе не шумно и вопросы решали почти мирно и без споров. А что же бывает, когда со спорами? Ой-ой...

От размышлений меня отвлек ор, который поднялся, когда стенка все же пошла на стенку. Бой начался с единым выдохом в полное горло: «Га!» Я почти с ужасом представила, каково это, когда сотни здоровенных мужиков сталкиваются на кулаках друг против дружки. Мой взгляд выцепил Тишаню, его было заметно даже среди немаленьких новгородцев. Наш приятель размахивал кулаками направо-налево, и явно нашлось немало пострадавших от его ручищ. Его, пожалуй, утихомирить можно только сообщая.

Так и есть, Тишаню вознамерились вывести из боя сразу несколько человек, так, видимо, не полагалось, но уж очень мощен был боец. А дальше следовало то, что обычно описывают сказки или легенды. Когда навалившихся стало слишком много, чтобы он мог свободно размахивать кулаками, Тишаня просто распрямился, и несколько человек полетели в стороны, отброшенные его ручищами. Я услышала, как рассмеялся, показывая на нашего богатыря, князь:

– Ты посмотри, вот силач!

Да уж, Тишаня и в своей деревне был не хилым, а на хороших харчах вырос словно на дрожжах (может, так и было, он еще молодой совсем).

Епископ усмехнулся:

– Это вон Анеи Евсеевны холоп.

– Он не холоп, – возразила Анея, – он вольный. Приехал с Вятичем и Настей.

– Где взяли-то такого? – это уже ко мне.

– Он нас ограбить на лесной дороге пытался.

– Чего?! – уставилась на меня Анея, явно не ожидавшая столь неприличного поведения от Тишани.

– Да они в первый раз, видно, на разбой вышли, а тут мы ехали. А грабил-то как! Почти попросил отдать деньги, но стоило за оружие взяться, дал стрекача.

– Неужто труслив?

– Нет, но разбойник из него не получился, совести слишком много.

Похоже, Анея успокоилась, снова с усмешкой наблюдая, как расправляется с нападающими на него новгородцами Тишаня.

Сшибка шла во всю мощь, уже уползали первые пострадавшие, кто-то просто отплевывался, утирался снегом, кого-то пришлось уводить и даже уносить. Но жалоб не было и покалеченных тоже. Выбитые зубы и разбитые губы или брови в счет не шли, как без них в драке? Но немного погодя сшибка как-то сама по себе сошла на нет, и виновником стал Тишаня.

У противников, а может, и соратников богатыря появилась забава, они висли на Тишане гроздьями, а тот раскидывал приставших в разные стороны. Постепенно он оказался просто в кругу любопытных, и интерес к выбиванию зубов друг у дружки народ потерял.

Видимо поняв, что парня просто надорвут, к Тишане пробрался Вятич:

– Ну, все, хватит.

Тот чуть смущенно пробасил:

– А чего они все сразу...

– Вот и я о том. Негоже всем против одного.

Здоровенный, не меньше самого Тишани, кузнец Никифор крикнул:

– Да мы не против, мы ж за него. – И неожиданно, видно даже для самого себя, предложил: – А давай один на один?

Теперь они сцепились вдвоем. Стенка была забыта, круг стал совсем плотным, нам и не видно, что там творилось, можно было только догадываться. Князь позвал к себе кого-то из дружинников, кивнул на собравшихся...

Крики, которые доносились из плотного кольца людей на льду реки, говорили, что схватка крепкая, соперники друг дружки стоили. Потом раздался единый вопль, свидетельствующий о победе одного из поединщиков, только вот кого?

Из толпы, работая локтями, выбрался дружинник, бросился к князю, крича на ходу:

– Этот новенький Никифора ка-ак поднял да ка-ак приложил наземь!

– Живой?

– Конечно, чего ему делается?

– Анея Евсеевна, скажи, чтобы твой человек ко мне подошел.

Анея усмехнулась одними уголками губ:

– Он с нами.

– Да будет тебе, силен же детинушка просто так по земле ходить, пусть послужит Новгороду, – крикнул епископ. Анея в ответ притворно вздохнула:

– Я ему не указ, как сам решит.

Я подумала, что Тишаня решит, как Вятич скажет.

Тишаня действительно вопросительно смотрел на Вятича, сотник рассмеялся:

– Чего ты на меня глазеешь, князь тебя звал.

– А чего меня-то?

– А кто половину новгородцев по льду раскидал?

Тишаня явно перепугался, что за бой на льду Волхова придется отвечать.

– А чего я-то, все так бились. Ну, может, и приложил пару раз кого, нос набок свернул, так чего они под кулаки лезут? И все на одного... А Никифор тот сам предложил...

– Да не переживай, князь тебя не ругать за разбитые носы собирается, а к себе звать.

– Куда к себе?

Вот балда, кулаками махать горазд, а соображать быстро не получается.

– В дружину, небось.

– А как же вы?

Тут уже не выдержала я:

– Нет уж, в дружину мы с тобой не пойдем.

Тишаня явно расстроился.

– Но и тебя держать не станем. Иди к князю, раз звал, ты Новгороду нужнее.

Хотелось добавить, что мы сами скоро уплывем, но травить душу парню уже не стали.

Но это было на следующий день, а тогда мы еще и сжигали собранное из чего попало чучело Костромы, или, как ее еще называли, Зимерзлы. И глядя на летевшие по ветру искры от большущего костра, и то, как горячее пламя пожирает страшную куклу, действительно верилось, что скоро уйдет зима надолго, что холода и метели сменятся теплом и зеленью. Человек должен верить в лучшее, иначе как жить?

Мы ждали тепла с особым нетерпением, ведь предстояло поторопиться в Сигтуну – портить жизнь зятю шведского короля Биргеру и ссорить его с остальными.

Александр Ярославич и правда взял Тишаню к себе в дружину, но тут возникла проблема, потому как ни одна кольчуга на богатыря попросту не лезла, пришлось спешно набирать новую. Тишаня ходил гордый и смущенный донельзя, его позвал князь, вокруг него суетилось столько людей...

Кольчугу нашему богатырю набирал все тот же Никифор, мало того, объявил, что такому бойцу сделает все бесплатно. Анея дала денег на остальное – оружие, новую сбрую для Звездочки (парень категорически отказался менять кобылу, хотя я подозревала, что Быстрый все же обрюхатил подругу), одежду для самого Тишани. Не стал менять парень и свое имя, хотя странновато было называть Тишаней громилу, который все прибавлял в росте и раздавался вишрь. Даже князь посмеялся, мол, тебе не лошадь надо, а кого покрепче.

Видно, мы хорошо прогоняли зиму, потому что весна пришла ранняя, дружная, веселая. Как-то неожиданно звонко закапало с крыш, сосульки застывали за ночь прозрачными синеватыми столбиками, а днем весело роняли кристально чистые капли в просевший ноздреватый снег. Его уже всю размывали ручьи. Грязи пока не было, но мостовикам в Новгороде работы нашлось, они чистили канавки для стока воды, выбрасывая горы мусора, накопившегося за зиму, меняли дубовые плашки мостовых, вытоптанные горожанами и гостями Новгорода, чинили ступеньки и перила лестниц, ведущих к воде и мосту.

Торопились укрепить большой мост и мостники, потому как ледоход ожидался тоже дружный, как бы не снесло. Вообще-то сносило каждый год, сколько ни крепили, но у мостников все наготове, ежели снова ильменский лед ломает мост, то восстановят его быстро, город, расположившийся по обоим берегам Волхова, не должен быть разорванным даже в ледоход.

Сам ледоход начался, как обычно, ночью. Поднявшийся треск и грохот собрал на берега Волхова почти все население Новгорода. Казалось бы, ну что за радость смотреть, как река несет из одного озера в другое всякую дрянь, потерянную или выброшенную зимой и прикрытую снегом? Но приходили, часами мерзли на холодном ветру и смотрели.

Споров было великое множество.

– Во, глянь чего плывет!

– Где?

– Вон, вон! Никак мертвяк?

– Тьфу на тебя!

Самые осторожные глядели с берега да подальше, самые храбрые, вернее, глупые – с моста, словно демонстрируя свою удаль и безбашенность.

Вятич усмехнулся, кивая на мост:

– Глянь.

Как и следовало ожидать, там торчал Тишаня. Он теперь жил на Ярославовом дворище, постепенно привыкая к дружинному укладу. Сам князь был с основной частью дружины в Ракоме, так повелось издревле, но часть его дружины находилась в городе на дворище.

Чего Тишаню вынесло на мост, неизвестно, особой рассудительностью парень не отличался. Он стоял, перекинувшись через перила и что-то выглядывая вниз. Вдруг с берега донеслись крики, люди показывали друг дружке на льдину. Я пригляделась и ахнула: на льдине крутился человек, его несло, видно, из озера. С берега достать льдину невозможно, перепрыгнуть на другую тоже, льдины натывались друг на дружку, вставали ребром, и человеку грозила гибель. Течение у Волхова не быстрое, льдины ползли и того медленней, но надежды у попавшего в беду не было никакой.

На берегу засуетились, видимо пытаюсь срочно найти веревку, а секунды бежали, сокращая жизнь бедолаги. И тут Тишаня показал, что способен в случае необходимости соображать быстро. Он прикинул, в каком месте льдина достигнет моста, и принялся разваливать там перила. Мостники постарались на славу, дерево поддавалось мощным ударам с трудом. А льдина уже все ближе... И веревку принести даже бегом уже не успеют.

Наконец после особенно мощного удара ограждение рухнуло, Тишаня бросился ничком на мост и опустил руку вниз. Никто не успел и опомниться, как бедолага со льдины взлетел, подхваченный мощной лапицей Тишани, и оказался на мосту. Только тут все разглядели, что это женщина, правда, одетая в мужской тулуп. Несколько мгновений она лежала на мосту, приходя в себя, Тишаня поднялся и протянул ей руку:

– Вставай, не то замерзнешь.

Все произошло так быстро, не все сразу и сообразили, что наш герой умудрился вытащить женщину в последний момент, на берегах еще крутили головами, пытаюсь понять, куда она девалась. И только те, кто был на мосту и видел происходившее воочию, принялись кричать и размахивать руками.

Тишаня во второй раз за последние месяцы стал героем Новгорода. Но у него нашелся и еще один повод для радости: вытащенная женщина оказалась молодой вдовой, причем весьма состоятельной, она позвала своего спасителя на благодарственный обед к себе в дом, где тот и остался насовсем.

Оказалось, что она решила перейти Волхов довольно далеко от моста, уже понимая, что на Ильмене лед тронулся, но поскользнулась, упала и, видно, на время потеряла сознание. Когда очнулась, лед под ногами уже ходил ходуном и добраться до берега никакой возможности не было. Если бы не Тишаня, Илище не выжить. Как благородному спасителю Тишане самое время было жениться на спасенной им красавице, что он и сделал.

Анея хохотала:

– Мы все говорили, что тугодум, а он точно знал и кого грабить, и кого из реки вылавливать.

Получалось, что Тишаня действительно просто вылавливал свое счастье, неизвестно, что с ним было бы, не попытайся парень тогда остановить меня на лесной дороге, а теперь вот не стой он на мосту. Мостники претензий за разваленные перила к Тишане не предъявляли, хотя тот сам предложил починить.

В Швецию

Наконец, Ильмень очистился ото льда, опытные купцы говорили, что еще чуть – и можно идти по Неву. Мы стали собираться. Вятич снова ходил на беседу с князем Александром, повторил ему про необходимость готовиться к неприятностям в середине лета и держать морскую сторожу, а также дружину наготове. Он не объяснил, откуда все знает, но Александр и не спрашивал.

– Вятич, а ты назвал день?

– Нет, Настя, если назвать, то все изменится.

– Неправда, я называла рязанцам, ничего не изменилось.

Пришло время отправляться.

Наша ладья показалась мне настолько маленькой, что стало страшно.

– Вот в этой скорлупке мы должны выйти не только в Ладогу, но и в Балтику?! Ее же перевернет первая же волна!

– Не произноси этого вслух, обидишь хозяина, он ходил этим путем много раз, и именно на этой скорлупке, как ты выражаешься.

Я вздохнула, решив, что не мешало бы спасательные жилетики хотя бы, но они явно не были предусмотрены. Потом чуть подумала и вспомнила свое жуткое впечатление от лодчонки, на которой меня катал по Москве-реке Вятич, на вид она тоже выглядела игрушечной, а оказалась устойчивой. Ладно, поживем – увидим, только надо дожить, чтобы увидеть. Успокоила мысль, что сначала предстоит плыть по Волхову и уже тогда будет ясно, насколько устойчив сей океанский лайнер.

Ладья оказалась очень устойчивой, она не болталась из стороны в сторону, двигалась хоть и не с крейсерской скоростью, но вполне прилично, только места на ней было очень мало, все занимали либо гребцы, потому что надеяться только на ветер нельзя, либо товары. Спать пришлось на тюках со скорой, хотя мы против не были: мягко, как на перине.

И все же, когда вышли в Ладогу (Нево, как его называли новгородцы), я помянула добрым словом создателей океанских лайнеров и больших паромов. Пятиэтажные суда не подвержены болтанке, на них трудно заболеть морской болезнью, нужно очень постараться. Здесь же лично меня начало мутить почти сразу, а Лушку так и вовсе уложило на тюки, отбив аппетит надолго. Да уж, мы с сестрицей оказались никудышными мореплавателями, нам Америки не открыть ни с Эйриком Рыжим, ни даже с Колумбом. И никакого удовольствия, подобного тому, что было на финском пароме, я не получила.

Соломон прав, всему на свете, как хорошему, так и плохому, приходит конец, мучениям тоже.

Еремей кивнул на вырвавшуюся на горизонте землю:

– Готланд.

Я впиалась глазами в берега. До чего же интересно видеть то, что потом изменится до неузнаваемости!

– Ты бывала здесь?

Я оглянулась на Вятича:

– Да, в Висбю на фестивале. Красивый городок, маленький, действительно древний. И в Сигтуне бывала, и в Упсале... И в Стокгольме. Представляешь, как интересно сейчас?

– Только постарайся не ляпнуть какую-нибудь глупость. Кстати, Стокгольма еще нет, он появится лет через десять. И Ганзейского союза пока тоже нет.

– Как это, ведь Новгород же...

– Нет, договор заключат через год – в 1241 году, хотя сам союз уже сложился.

– А что есть?

– А есть шведы, датчане, норвежцы и иже с ними, которых мы должны между собой перессорить, как предлагал кое-кто. И я не представляю, как это сделать.

Я махнула рукой:

– На месте разберемся!

На палубу выползла бедолага Лушка, измученная морской болезнью, светло-зеленая, но решительная.

– Берег? Наконец-то! Где там эти крестоносцы? – Она рукава не закатывала, но впечатление было именно такое: сейчас пришвартуемся, и Лушка набьет морды всем противникам Руси сразу или по очереди, это смотря как под руку попадутся.

– Луш, ты хоть на причал сойди сначала.

– А крестоносцев в Висбю, Луша, нет. Морской ледунг собирается в Сигтуне.

Лушка вытаращила на Вятича глаза так, словно тот завез ее в Мухосранск, обещав тур в Париж.

– А чего мы тогда здесь делаем?!

– Найдем судно, которое поплывет в Сигтуну.

– Не проще заплатить этому, чтобы сразу туда и завез?

– Не проще. Наше появление в Сигтуне на новгородской ладье и без повода привлечет ненужное внимание.

Сестрица только фыркнула, что я поняла как сомнение, что внимание может быть ненужным. И вдруг Лушку осенило:

– Насть, а крестоносцы татарский знают?

– Нет, конечно, откуда?

– Тогда я буду ругать их по-татарски, как делала в Козельске.

Я уже поняла, о чем она, я тогда неосторожно ляпнула: «С первым апреля, товарищи! Чтоб вы сдохли!» и про первое апреля сказала, что это пожелание сдохнуть, только по-монгольски. Лушка поверила и запомнила. Немного посоображав, я все же решила, что про первое апреля вряд ли кто поймет, пусть ругается.

Еремей посетовал:

– Пристать бы к мысу Святого Олафа, сходить к купели, да боюсь, тогда на пристань вовремя не успеем, припозднились мы чуть.

Как и следовало ожидать, любопытная Лушка тут же сунула свой нос:

– А что за купель?

– Когда Святой Олаф плыл из Норвегии в Новгород, остановился на Готланде, он всегда здесь останавливался.

– Почему?

– Тут словно перепутье морских дорог. Так вот, когда он тут остановился, то решил крестить и готландцев. Сам ходил по острову и рассказывал гутам...

– Кому?

– Гуты – это жители Готланда. Рассказывал им о христианской вере. А потом они все крестились в маленьком озерке вон там... Его теперь зовут купелью Святого Олафа.

– Это где храм стоит?

– Да, сначала деревянная часовня, говорят, была, а после и каменный храм поставили.

– А чего он в Новгороде делал?

Я не успела остановить Лушку, та все же задала дурацкий для новгородца Еремея вопрос. Тот удивился:

– Не новгородская, что ли?

– Нет.

– А... Олаф Святой русскими князьями воспитан. Сначала его отец, тоже Олаф, а потом и сын. Их Владимир Красно Солнышко и Ярослав Владимирович воспитывали.

Теперь едва не задала дурацкий вопрос я. Вернее, чуть не уточнила: «Мудрый?», но вовремя сообразила, что это прозвище князь Ярослав получил позже. Так же, как князь Александр позже будет Невским. Опасно, однако, слишком много знать. Каково же Вятичу, когда он знает в тысячи раз больше меня?

Лушка уже забыла об Олафах, воспитанниках русских князей, она то и дело тыкала пальцем в прибрежные скалы, а потом и появившиеся вдали купола церквей:

– А это что? А это как называется?

Еремей терпеливо объяснял.

Мне показалось, что мы обходим остров с севера, во всяком случае, правили явно туда.

– А мы что, приставать не будем?

Честно говоря, морская болтанка изрядно надоела и мне тоже, очень хотелось бы почувствовать под ногами не ходившую ходуном палубу небольшой ладьи, а нормальную землю.

Лушка поддержала:

– На травку хочу.

Еремей кивнул:

– Скоро будет. Висбю с другой стороны, обогнем остров и пристанем. А это остров Форс. Действительно, как я могла забыть, Висбю же на северо-западе, а мы плывем с востока.

И вот они башни города и шпили соборов. Не может быть, крепость все та же?! И стена крепостная тоже. Я смотрела на город, как на старого знакомого.

Ряды стоящих почти вплотную самых разных плавсредств от больших ладей до рыбацких лодочек, крепостные стены города... Все так и не так одновременно.

– Да тут места нет!

Но Еремей командовал уверенно, видно, точно знал, что место у причалов Висбю найдется всем. Нашлось, не просто приткнулись, а вполне комфортно пришвартовались, причем, если я верно поняла, вообще среди своих, новгородских. Так и оказалось, с нескольких ладей Еремее приветственно помахали.

Да, из нас с Лушкой морские волки получились никудышные, сойдя на причал, чуть не по€дали и первые шаги делали явно нелепо, словно боясь, что палуба снова поплывет из-под ног. Но я хоть от морской болезни во время плавания не страдала, а бедолага Лушка вообще извелась.

Зато Анея как огурчик, вела себя так, словно всю жизнь бороздила морские просторы. Я украдкой вздохнула: да, нам до тетки далеко.

В городе Еремей уверенно повел нас на Новгородскую улицу. В своей нормальной жизни я на ней была – улочка метров 50, не больше. Она оказалась небольшой, но уж не такой крохотной. Конечно, в городе очень многое поменялось, сообразить где и что оказалось слишком сложно, немного поломав голову, я мысленно махнула рукой: какая разница, едва ли я буду когда-нибудь рассказывать, как все выглядело в тринадцатом веке. Все равно не поверят, да и рассказать не получится.

Остановились в гостевом доме, явно предназначенном именно для таких визитов. Нам отвели две комнаты: в одной, маленькой, разместились мужчины – Еремей, Вятич и Тишаня, в комнате побольше мы с двумя своими сенными девками. Ничего, в тесноте, да не в обиде. Нам устроили постели на лавках, а девкам на полу.

На ужин спустились все вместе вниз. Помещение, нечто вроде таверны на постоялом дворе (хотя я не представляю, как она должна выглядеть), было заполнено народом. Подумалось: дым коромыслом, но дыма как раз и не было, потому как вредную привычку курить даже

трубки мира из-за моря-окияна пока не привезли. Хотя своеобразный смог все равно стоял, было довольно душно и при открытой двери.

Я оглянулась, от стола поближе к выходу нам махал рукой Вятич. Рядом с ним сидели два крепкого вида детины, но Еремея не видно. Анея, видно, тоже увидела сотника и направилась туда. Тетка все же королева по своему складу, она шла не оглядываясь, зато все сидевшие в зале сворачивали головы следом и замолкали, в таверне вдруг стало тихо. Почти тихо. Все же не каждый день сюда являлись вот такие женщины, которых даже в голову не придет хлопнуть по заду или отпустить им вслед сальную шуточку.

Подойдя к столу, Анея так же по-царски приветствовала собеседников Вятича милостивым кивком и села. Я чуть не хмыкнула, увидев, как эти двое даже приподнялись со своих мест, чтобы поздороваться с «Ее Величеством». Вот кому миром править! Мы пристроились рядом на лучших местах по праву родства с императрицей.

Лушка тоже всю старалась «держаться марку», почти свысока оглядывая окружающих, но это ей плохо удавалось, мешало природное любопытство, взгляд то и дело лукаво поблескивал, да и ее привычка стрелять глазками солидности ну никак не добавляла.

– Твердислав Микулич только что из Сигтуны, в Новгород идет, – кивнул на старшего из сидевших Вятич.

Если честно, то мне пока о делах говорить не хотелось, вокруг собралась довольно занятая компания, и не оглядываться, как Лушке, мне было очень трудно. Хорошо, что Вятич оставил нам места, с которых видно весь зал. Я даже пропустила начало разговора, так интересно посмотреть на купцов и их подручных.

Это был другой мир, мир из книг о бывалых мореходах, грубых мужчинах, которых не пугали ни рев волн и вой ветра, ни тяжелая работа, ни холод, ни зной. Мир людей, презиравших опасности, кажется, саму смерть. Они разительно отличались от купцов, торговавших в лавках, например, Рязани, и даже Новгорода. Наверное, люди, каждый день рискующие жизнью в беспокойных водах морей, все же иначе смотрят на эту самую жизнь, чем те, кто рискует только прибылью.

И отношение друг к другу и к самим себе у них тоже иное, потому что от взаимной помощи зависит слишком многое и предательство одного может дорого обойтись остальным. Нужно быть уверенным в поддержке и помощи окружающих, а потому врагов на судне не бывает, и все друг другу поневоле братья, пусть не по крови, но по жизни.

За соседним столом расположился солидный, действительно купеческого вида мужик с короткой, но окладистой бородой, лежащей на груди, точно лопата. Он ел молча, старательно обгладывая кости и не обращая ни малейшего внимания на своего собеседника, желчного, нервного человека неопределенного возраста, который что-то торопливо втолковывал, видно соблазнял выгодой. Обглодав очередной мосол, купец, видно, решил выбить из него костный мозг. Он спокойно отодвинул собеседника здоровенной рукой и вдруг изо всех сил грохнул костью о стол. Несколько человек только обернулись в его сторону, а вот нервный чуть не кувыркнулся с лавки. На некоторое время он замолчал, ошарашенно наблюдая, как содержимое мосла, вытряхнутое купцом, исчезает во рту, но потом опомнился и принялся убеждать снова, привстав и перегнувшись через стол, чтобы собеседник расслышал сквозь общий шум.

Меня отвлекло то, что нам принесли ужин. Это было огромное блюдо с вареным мясом, второе с луком и хлебом, целый жбан с пивом и какие-то пироги. От мяса шел пар и умопомрачительно пахло. Я вдруг поняла, что тоже сильно проголодалась. Конечно, ни вилок, ни ножей не полагалось, древний Висбю этим гостей не баловал. Ладно, будем есть руками...

– Много чужих шнеков, недаром король объявил морской ледунг.

– Думаешь, пойдут?

– Да уж наверное... Иначе чего сидеть? Епископы все народ баламутят, мол, пора язычников в истинную веру крестить.

К столу подошел Торопила:

– Еремей Силыч сказывал...

Договорить не успел, сзади снова раздался грохот – купец решил разбить кость до конца. На него с тревогой оглядывался, видно, хозяин заведения, верно, если каждый будет вот так разбивать мослы о столешницу, то никакой дуб не выдержит. Я тоже оглянулась на купца, тот деловито высосал мозг из раздробленного мосла, отбросил его в сторону и потянулся за большой кружкой, видно с пивом, отрицательно мотая головой в ответ на приставания нервного собеседника. Почему-то очень захотелось узнать, о чем они говорят.

– Еремей Силыч сказывал, что через два дня в Любек пойдет. Коли решите туда, так милости просит, а коли нет, так скажите, он других возьмет.

– Нет, благодарствуем, нам в Сигтуну надо.

Торопила удалился, кивнув, а Твердило сокрушенно помотал головой:

– Не время в Сигтуну плыть. Там рыцарей полно, тех, что бороться с тавастами собрались.

– С кем? – Лушка не выдержала-таки.

– С тавастами, а заодно и с русскими.

И снова нас отвлек купец. Ему, видно, надоел собеседник, потому что мужик поднялся, перевалился через стол, улегшись для этого в миску с обглоданными мослами, сгреб приставучего болтуна за грудки и... попросту вышвырнул его в проход! После чего уселся и спокойно допил из своей кружки. К столу подскочил хозяин заведения, купец кинул ему монету, судя по тому, как в ответ изогнулся угодливой дугой хозяин, достаточно ценную. Обиженный купцом человек остался отлеживаться после невежливого обращения на полу, а его обидчик встал и направился к выходу, спокойно выбирая из бороды крошки и стряхивая прилипшее к одежде. Мы с Лушкой сидели, раскрыв рты и вытаращив глаза на столь невежливое выяснение отношений. Проходя мимо нашего стола, купец покосился в нашу сторону и вдруг озорно подмигнул.

Твердило сокрушенно покачал ему вслед головой:

– Ох, зря он с Овиндом так...

Опомнившись, Лушка пристала к Вятичу:

– Кто такие тавасты?

– Соседи русских, я тебе потом объясню.

Как заставить Лушку не задавать первые же пришедшие в голову вопросы? Вдруг я сообразила, что в Швеции Лушка просто не будет понимать окружающих, а значит, и вопросов задавать не станет. А как же мы? Мы все не будем ничего понимать?

Теперь вопрос едва не задала я. Господи, как же тяжело с нами Вятичу! Наверное, было легче даже в дружине Евпатия Коловрата, где я воевала под видом его племянника, зато не интересовалась, чем не надо.

Твердило еще долго объяснял нам, что в Сигтуне, конечно, как и в Висбю, далеко не все подчиняются буллам папы римского, но торговать стало трудно. На торге в любую минуту можно ожидать неприятностей, потому и перестали плавать туда целые караваны новгородских ладей.

– Ну и ладно, что, кроме них, торговать негде?

– Негде. Волгу татары перекрыли, по Днепру тоже не пройти, а здесь вон как повернуло.

Несколько мгновений я сидела, размышляя и представляя себе карту Европы. Верно, обложили, как медведя в берлоге, со всех сторон. Одного не учли – медведь животное сильное, если разозлится, берегись собачья свора!

А Твердило все вздыхал:

– Через эстов не пройдешь, там ливонцы засели прочно. Только и оставался вот этот путь да торги в Швеции и Норвегии, а теперь и туда никак.

– А почему в Норвегию никак?

– Мимо датчан идти, их король Вальдемар с папой дружен, ему подчиняется.

Он еще долго жаловался на судьбу и человеческую глупость, мол, ну к чему меж собой воевать, разве других дел мало?

Эх, дорогой, если бы ты знал, что и через семь сотен лет вопросы у человечества будут такие же! Я вдруг задумалась, поумнеет ли человечество вообще когда-нибудь? Вернее, успеет ли поумнеть, прежде чем вымрет?

– О чем Чапай думает?

– Вятич, а человечество когда-нибудь поумнеет?

– Ну ты и вопросы задаешь!

– Ты в будущее отправиться можешь?

– Нет. И перестань вспоминать о том, что я вообще что-то могу.

Разговор почти шепотом и на ухо, но он прав, я слишком часто вспоминаю, что сама не отсюда, и Вятич тоже, это опасно, так можно проговориться. Я только кивнула, твердо решив держать себя в руках, даже если для этого придется вообще не разговаривать. Но следующий вопрос все же задала:

– А мы как шведов понимать будем?

– Поймем. Ты же понимаешь, что говорят вон те два человека?

Я прислушалась, те два человека не говорили, а орали, но действительно не по-русски. А я понимала. Ясно, чья работа. Меня так и подмывало поинтересоваться, а нельзя ли и в московской жизни вот так же: щелчок пальцами – и любой иностранный язык в голове? Но спрашивать не стала, ясно, что ответит:

– Это не я, просто так надо.

Ладно, надо, значит, надо. Знание шведского, пусть и древнего, еще никому не мешало.

Через два дня нашлось судно, которое отправлялось в Сигтуну и могло взять нас на борт. Лушка, услышав такую новость, только вздохнула, снова лежать в лежку, конечно, тяжело, но выхода нет, вокруг Висбю море, никуда по суше не доберешься, разве что пешочком по дну. И снова вокруг были волны и ветер толкал парус нашего суденышка, с каждой минутой приближая... к чему, к успеху или поражению? И вообще, что нас там ждет?

Биргер

Зять короля Швеции Эрика Эриксона Биргер в который раз заводил со своим родственником один и тот же разговор, убеждая его, что пора выступать в новый поход. В действительности Швецией давным-давно правит Биргер, король Эрик слишком слаб и нерешителен, по любому поводу советуется с мужем своей сестры Ингеборги. Зять короля самый богатый землевладелец в Швеции, но ему все мало. Теперь Биргер нацелился на земли Гардарики и уже давно убеждает Эрика, что лучшего времени для выступления не найти. Поддавшись на его уговоры, король даже обещал объявить ледунг – общий сбор в поход. Это серьезное предприятие, нужно хорошо подготовиться. Ни для кого не секрет, что идут не столько на эстов, сколько на Гардарику. Но до самого последнего времени рыцари особой прыти почему-то не проявляли.

Сегодня Биргер сообщил королю о булле папы Григория, которой тот не просто позвал в новый крестовый поход на сей раз на севере, но главное – обещал прощение всех грехов тем, кто в походе будет участвовать.

Это большой подарок от папы, грехов у любого накопилось немало, найдется что прощать. И все равно их надо подгонять, чтобы тронулись с места. Епископ Томас вздыхал:

– Что за рыцари в Швеции и Норвегии?! Во Франции и звать не надо, сами рвутся.

Ему хмуро объясняли, что воевать в рыцарском облачении в болотах Гардарики не слишком удобно. Епископ снова всплескивал ручками:

– Не об удобстве думать надо, дети мои, а о Божьей воле!

Иногда глядя на толстенького, розовощекого епископа, Биргер задумывался, верит ли он сам в то, что твердит другим? Однажды заметив, как тот прячет подаренную золотую фабулу, понял, что не верит. Но все теплые места рядом с папой уже расхватали, сидеть в крошечном городке с маленьким приходом не хочется, вот и отправился англичанин за тридевять земель уговаривать шведов нести правильную веру далеким жителям Гардарики. А иногда Биргеру казалось, что верит. В такие минуты глаза епископа светились не сальным блеском, как при виде пухленькой красотки, а настоящим огнем, способным зажечь сердца слушателей. Но минута озарения проходила, и епископ снова следил взглядом за крутыми бедрами своей служанки или с вожделением облизывался, держа в руках огромный кусок зажаренного поросенка.

Но епископа Биргер готов был терпеть как неизбежное зло, правда, если тот не приставал к самому Биргеру. К чести Томаса, он быстро понял, что с зятем короля лучше не связываться, здоровее будешь, и при нем больше помалкивал. Сложнее с королем. Эрик не мог решиться сделать последний шаг, просто объявить дату начала похода.

Они сидели в покоях самого Биргера, тот не доверял окружению короля и старался вести серьезные разговоры у себя в замке. Для этого то и дело приглашал Эрика то на охоту, то просто на пирушку «по-семейному». Король слабоват во всем, у него даже детей нет, но в одном почему-то упорствует – не хочет воевать с Русью.

За окном то кружились, то вдруг куда-то летели под порывом ветра снежинки. Метель не утихала уже четвертый день. В такую погоду ни на охоту не выедешь, ни даже просто по окрестности. То есть сам Биргер поехал бы, его выюга не остановит, но король не желает. Эрик сиднем сидит в замке. В другое время его зять давно вытащил бы брата жены куда-нибудь, но сейчас даже рад невольному затворничеству. Он решил наконец дожать и заставить Эрика сделать последний шаг – объявить начало похода на Гардарику.

Биргер пошевелил дрова в большом очаге, перед которым они сидели уже не первый час. Эрик много выпил, но был на удивление трезв. Биргера всегда поражала вот эта способность вялого, слабого здоровьем короля совершенно не пьянеть. Его даже вино и то не берет! Сам хозяин замка пил мало и только сильно разбавленное вино, которое шведы открыто назы-

вали пойлом. Сначала Биргер злился, потом перестал обращать на разговоры внимание. Просто жилистый и не жалующийся на здоровье Биргер напивался моментально, терял над собой контроль и после этого уже нес чепуху. Зная такую свою слабость, он не пил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.